

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ВАЛЕНТИН ЛАВРОВ

ТАЙНЫ ДВОРА
ГОСУДАРЕВА

Валентин Лавров

Тайны двора государева

«Центрполиграф»

2020

УДК 82-312.4(02)
ББК 84(2Рос-Рус)6-44я5

Лавров В. В.

Тайны двора государева / В. В. Лавров — «Центрполиграф»,
2020

ISBN 978-5-227-07907-7

Книга создана на основе архивных и старинных печатных материалов. Она охватывает очень любопытную эпоху – со времен Ивана Грозного до вступления на престол Петра Второго и крушения светлейшего князя Александра Меншикова. Образным сочным языком, с достоверностью и точностью бытовых деталей описаны смертельные схватки возле трона, любовные интриги могущественных правителей, секреты исчезнувших сокровищ, авантюризм и отчаянная храбрость гвардейцев.

УДК 82-312.4(02)
ББК 84(2Рос-Рус)6-44я5

ISBN 978-5-227-07907-7

© Лавров В. В., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Клятва	8
Загробные гости	9
Приглашение	10
Под балдахином	11
Позитура	12
Запах крови	13
Пощечина	15
Эпилог	16
Чужой в гареме	17
Ожидание	18
Смелый план	19
Грех	20
Толкование снов	21
Тайные ласки	22
Сон в руку	23
Девичий переполох	24
Эпилог	25
Полынья	26
Царская милость	27
Донос	28
Смотрины	29
Приготовления	31
Венчание	32
Брачный пир	33
Путь-дорожка	34
Черная тайна	35
Эпилог	37
Тайные проказы	38
Фаворит	39
Отцовские заботы	40
Гроза	41
О повреждении нравов	42
Приманка	44
Соблазн	45
Смотрины	47
Наставления	48
Гость незванный	49
Недуг	50
Смертная чарка	51
Свеча	53
Свеча (окончание)	54
Эпилог	56
Бегство	57
Свет во тьме	58
Кровавые потехи	59
Неукротимость	61

Государев духовник	62
Похищение	63
Воскрешение	64
Розыск	66
Клад	67
Быстрый ход	69
Уловки	70
Эпилог	71
Мсть	72
Страсть	73
Сердечный жар	74
Звездочеты	75
Лукавство	76
Сводный брат Македонского	77
Предсказание	78
Ловушка	79
Яд	80
Еще не вечер...	81
Эпилог	82
Изверг	83
Бесприданница	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Валентин Лавров

Тайны двора государева

© В.В. Лавров, 2020

© «Центрполиграф», 2020

* * *

*Посвящаю моим очаровательным, горячо любимым дочуркам
Катюше и Олечке*

Клятва

Иоанн Васильевич, вступая на российский престол подростком, обещал избавить государство от «раздоров, татей и разбойников». И вот на патриархально-тихой Руси грянул теперь разбой государственный. Земля содрогнулась от криков истязуемых, густо залилась безвинной кровью – и все это без смысла, без оправдания.

И люди окаменели от горя, привыкли к истязаниям, к неправде. Но то, что произошло в лето от Рождества Христова 1569-е, заставило не только ужаснуться, но и вспомнить о человеческом достоинстве. Главным дознавателем стал сам Иоанн Грозный.

Загробные гости

Государю Иоанну Васильевичу всегда было тяжело, а с некоторых пор и вовсе сделалось невыносимо. Попущением Божиим стали ему голоса бесовские по ночам слышаться.

Едва он смеживал очи, как откуда-то из дальнего угла явственно несло:

– Очнись, блядин сын! Ты-де вовсе не государь, а антихрист сущий. Яко козел скачешь, вот и накудесил много. Собачий кал, близок день, когда тебя, Ирод мерзкий, перепластают!

Иоанн Васильевич дико вскрикивал и пробуждался.

Звал он стражу. Те обыскивали опочивальню, в каминах сажей до пят мазались, под широченной кроватью пыль кафтанами собирали, но злодеев не обнаруживали.

А тут, словно из могильных холмов вылезая, покойники самолично стали в опочивальню являться. Первым пожаловал князь Александр Борисович Шуйский. Опираясь изъеденной червями рукой на шахматный столик, печально качал головой и выкатывал покрытые плесенью зенки:

– За что сгубил моего Петрушу?

Он лез за пазуху и доставал окровавленную голову сына, швырял ее государю:

– Будь ты во веки веков проклят!

Потом стали являться и другие злодеи, Грозным умерщвленные: князь Ванька Кашин, князь Дмитрий Шевырев, князя Дмитрий Немой и Куракин Иван, двое Ховриных и разные прочие.

Все они были вида отвратного: безносые, с темными глазницами, выкрикивающие угрозы и обиды.

Митрополит Московский Макарий наставлял:

– Это тебя, государь, зело жестоко бес мучит! Нам, православие блюдушим, во всяко время покаяние искати потребно. Кознование нечистого расточай молитвами усердными. Каждодневно твори молитву запретительную Василия Великого. А теперь давай хоромы твои освящу...

Митрополит кропил святой водой, воскурял ладан, усердно обращался к Всевышнему с чинопоследованием об освобождении хором от духов злых.

Но облегчения не последовало.

И все больше прилеплялся Иоанн Васильевич к пьянству беспробудному и блуду поганому.

Тут как раз подоспели события, о которых рассказать хотим.

Приглашение

На 25 июля государь назначил потеху замечательную – казнь трех сотен человек. Малюта Скуратов, угадывавший желания своего повелителя, поспешил открыть грандиозный «заговор», во главе которого якобы стоял архиепископ Пимен. Заговора, понятно, не было, а обреченные на лютую смерть несчастные ни в чем не провинились.

Еще накануне, взгромоздившись на седло, Иоанн Васильевич объезжал Красную площадь. Сюда стащили целые штабеля досок, бревен, несколько больших котлов, груды крюков и цепей. Триста обреченных ждали своего жуткого конца – подобного избиения Москва еще не видела.

Государь отдал несколько важных и толковых распоряжений по устройству виселиц и других сосудов смертных, а затем, устало зевнув, произнес:

– А не пора ли нам откушать?

Он задумчивым взором обвел приближенных, и взгляд его остановился на виночерпии Корягине:

– Князь, нашей братией не погребуешь, накормишь? Хозяйку твою помню, собой красна. А по хозяйству расторопная?

С полгода назад государь оказал великую милость. Когда виночерпий играл свадьбу с первойшей красавицей в Москве сиротинушкой княжной Натальей Прозоровской, Иоанн Васильевич стал ее посаженным отцом.

Виночерпий низко поклонился:

– За честь сочту, милости прошу!

С гиканьем и свистом, полоща нагайками зазевавшихся прохожих, кавалькада понеслась к Ильинским воротам – в хоромы богатого виночерпия.

Под балдахином

Ясноглазая княгиня Наталья встретила царя с приветливой улыбкой на устах и золотым кубком на подносе:

– Выкушай вина, государь! Осчастливь!

– Здравья хозяйке и хозяину! – Царь осушил кубок, утер ладонью жидкие усы и, пригнув к себе, в уста поцеловал Наталью.

...Пир шумел уже пять часов, а слуги тащили и тащили подносы. Вот на стол водрузили шесть жареных лебедей, затем появились глухари с шафраном, рябчики в сметане, утки с огурцами, зайцы с лапшой и мозги лосиные. Рекой лилось вино ренское, романея, мускатное белое и розовое, белое французское, аликанте, ковшами разносили медовуху.

Царь сидел, зело осоловевший от выпитого. Устало зевнул:

– То ли есть хочется, то ли еще чего...

Малюта Скуратов без слов понимал своего властелина. Он живо вскочил на ноги, забухал сапогами. Уже через мгновение верхом скакал в Кремлевский дворец. Вторая жена Грозного – Мария Темрюковна, черкешенка, – отличалась крайним беспутством. Но и для своего царственного супруга завела целый гарем молодая, который постоянно обновляла.

Не успели гости лебедей доест, как целая ватага красавиц, предводительствуемая Скуратовым, ввалилась в хоромы виночерпия. Возле государя оказалась бойкая Сонька Воронцова – рода захудалого. Девушка она была гладкая, темноокая, гибкая в талии. Словно присосалась к царю – не оторвешь.

По мере приближения ночи сердце государя, как все последние времена, начинало сжиматься от страха: он с ужасом думал о тех, кого казнил и чьи тени бесплотные обязательно посетят его нынче. Вот и старался упиться до бесчувствия. Но успел приказать Соньке:

– В опочивальню мою пойдешь! – Про себя подумал: «Вдвоем в ночи не столь жутко будет! Пусть рядом лежит – будто для блудного дела». Усмехнулся, довольный собственной хитростью. Вдруг изломил бровь, вонзил взор в лицо виночерпия: – Князь, а почему твоя хозяйка с нами брашно не разделяет? Гребует гостями?

Виночерпий потупил глаза:

– Бабье ли дело с государем за одним столом сидеть?

– Ничего, я позволяю!

Появилась Наталья, блиставшая не нарядами, а удивительной добротой лица, сияющим взором, белозубой улыбкой. В ушах ее горели рубинами, алмазами, жемчугами старинные серьги. Во времена незапамятные сам Михаил VIII Палеолог за какие-то заслуги подарил их пращурам Натальи и клятвой связал, приказал беречь их, как свою душу. Вот и переходили серьги из рода в род и стали семейной святыней.

Сонька так и впиалась взглядом в серьги, даже завистливо губами зачмокала. Государь изволил золотой кубок поднять, возгласил:

– За красоту дочери моей посаженной!

Возле полуночи государя в бесчувственном хмельном положении со всем бережением погрузили в карету, и шесть лошадей повезли его во дворец Кремлевский. Приказ памятуя, тело сопровождала Сонька. Скуратов, соблазненный смачными Сонькиными губами, тут же в карете шанса своего не упустил.

И уж после этого девице было позволено возлечь под страусовый балдахин государевой опочивальни.

Позитура

Спозаранку царские покои вновь огласились истошным воплем Иоанна Васильевича. Это к нему явился Шуйский. Он тряс за власы безглазую голову сыночка своего Петруши, лаялся:

– Доколе, поганец, бесстыдство свое длить будешь? Вот выдавлю из тебя сок! Грязь худая!

Иоанн Васильевич окончательно пробудился. За слюдяными окошками занимался новый день – небывалый! Зеленовато светились лампадки, освещая аскетичные лики древних образов. В литом серебряном подсвечнике догорала оплавленная свеча.

Сбросив жаркое шелковое одеяло, на широченной постели разметалась, раздвоив крепкие нагие груди с темными сосцами, Сонька. Государь остервенело лягнул ее костлявой ногой:

– Будя дрыхнуть! Сосуд бесовский, изыди!

Сонька резво села на кровати, протирая очи. Соскочила на ковер, повернулась к государю спиной. Наклонилась, подбирая раскиданную тяжелую одежду.

Иоанн Васильевич с неожиданным любопытством разглядывал девку. Хохотнул:

– Красота, ты чего в меня афедроном нацелилась? Прямо как фузеей. Смотри, дробью не пальни! – Довольный собственной шуткой, потеплевшим голосом добавил: – Так и быть, лезь ко мне. Замерзла, поди! Погрею.

... Утешившись, водил узловатым пальцем по Сонькиному лицу, что являлось признаком высшей нежности. Выдохнул:

– Сладкая, ишь ты! Знай: государь милостив. Чем тебя наградить?

Сонька выкатила агатовые глазищи, влазчивым голоском прошептала:

– Хочу, государь-батюшка, подарок – Наташки Корягиной сережки с ладами!

Государь вытянул губы:

– Да ты, дева, зело умом скудна, совсем дура! Я так мыслил, что просить деревеньку будешь, зане родитель твой вельми обнищал. Ну, будь по-твоему!

В опочивальню был призван виночерпий Корягин. Освежившись мальвазией, государь приказал:

– Скажи моей дочке посаженной, а твоей супружнице Наталье, что хочу оказать ей честь и взять на память сережки, что в ушах ее.

Сонька злорадно улыбалась. Виночерпий все понял, полоснул девицу ненавидящим взглядом.

Запах крови

В одиннадцать часов пополудни за стенами Кремля раздались погребальные звуки бубен и труб. Медленно, со скрипом растворились Спасские ворота. Первым выехал на белом коне государь. Голову его украшал шлем с золотой насечкой, у пояса болталась сабля, а правая рука судорожно сжимала копье. На узких плечах свободно висел парчовый кафтан.

За Иоанном Васильевичем потянулась страшная процессия. Изможденные, увечные люди в рваной, окровавленной одежде с трудом тащились к месту казни.

Посреди площади возвышались восемнадцать широких виселиц. Под шестью громадными котлами весело трещал огонь. Наступала последняя сцена трагедии, которую устроил государь едино ради собственной потехи.

Опричники ударами бердышей подгоняли несчастных. Среди них москвичи узнавали любимцев царя – князя Вяземского, Висковатого, Басманова и других, еще недавно бывших во власти и силе.

Грозный усмехнулся, обнажив желтые порченные зубы:

– Ну, боярин-стольник Висковатый! Сделай, друг любезный, почин.

В толпе зевак зашушукались:

– Ой, давно ли ближайшим к государю был Висковатый-то! Государь казнит его за послушание. Он свою дочку, коей шестнадцать годков, в блудный гарем царский не дал.

Народ говорил истинную правду.

Стольника подвесили за ноги, облили голову кипятком. Дикий вопль метнулся над площадью. Царь, весьма довольный, осклабился:

– Еще горяченького! Плесни, не жалея! Во, яко с угря копченого, кожа со стольника полезла.

Оглянувшись, зорким оком заметил стоявшего поодаль виночерпия Корягина. Ласково поманил:

– Ты, князь, чего морду воротишь? Стольника жалко? Я ведь знаю, что ты с ним хороводился, дружбу водил. – Вдруг вспомнил: – Привез сережки? Давай... – протянул узкую сухую ладонь.

Корягин упал на колени:

– Государь, Наталье мать перед кончиною сережки передала, приказала как семейную святыню беречь. Наталья клятву принесла нерушимую, что будет хранить пуще собственного глаза. Возьми все мое состояние. Оставь серьги. Ведь пойдут они непотребной девке Соньке Воронцовой.

Вокруг стихло. Все враз отодвинулись от виночерпия. Налилось лицо государя багровой кровью, глаза запылали ненавистью. Сквозь зубы процедил:

– Клусишь, князь! Слова твои развратные и противные сердцу моему. – Кивнул опричникам: – Казнить продержателя!

Как коршуны на жертву бросились опричники на виночерпия, вмиг сноровистыми руками сорвали одежды, обнажили. Головою вниз подвесили. Сам Малюта Скуратов отрезал ему уши и нос.

– Усеки уд, он ему теперь без нужды! – рассмеялся государь, и все вокруг зареготали.

Скуратов ловко обрубил член.

Другие тем временем неспешно кромсали руки, отрубали ноги.

Насладившись зрелищем, Грозный кивнул князю Воротынскому, благообразному мужу с густой русой бородой и светлыми глазами:

– А что ты, Воротынский, не тешишься? Сострадаешь, что ль? Ну-ка, покажи удаль молодецкую!

Воротынский прервал муки виночерпия, перерубив его пополам.

В этот момент на Кремлевской стене раздался злорадный смех. Все невольно повернули головы.

Среди кремлевских бойниц золотились богатым шитьем кокошники. Это царица Мария Темрюковна притащила гаремных девиц полюбопытствовать забавным зрелищем. Даже в толпе зароптали, а государь недовольно сплюнул:

– Такого на Руси не бывало, чтоб бабы казнью любовались.

* * *

Несколько часов Красную площадь оглашали истошные вопли мучеников. Земля пропиталась густой кровью, которую жадно лизали псы. Трупы не успевали убирать.

Царь медленно ехал вдоль Кремлевской стены, растягивая синие губы в улыбке. Вернувшись к Лобному месту, сказал Скуратову:

– Ну, Малюта, змеиное гнездо разорили! Теперь самое время навестить вдов и сирот, уменьшить их. А заодно сережки заберем у Наташки Корягиной. Ишь, клятву дала... Едем!

Пощечина

В обширных хоромах Корягина царило глубокое уныние. Дом погрузился в траур.

Наталя не выходила из опочивальни. В ушах ее висели злополучные серьги.

Вдруг во дворе раздались дикие крики, на лестнице послышался топот многочисленных ног.

Наталя прильнула к окну: с белого коня слезал сам царь. Она поняла, зачем он пожаловал, торопливо сняла серьги, заметалась по опочивальне, желая спрятать их.

Никем не встреченный, зловеще нахмурясь, царь вошел в хоромы. Опричники уже тащили Наталью. Иоанн Васильевич коротко спросил:

– Где серьги? Ах, спрятала! Ну, мне и не такие во всем признавались. А ты, сосуд скудельный, сейчас быстро покажешь, куда укрыла их.

Наталя шагнула к государю. Все затихли.

Она с размаху вмазала ему звонкую пощечину.

Государь ошеломленно замер, схватился за лицо. Но вдруг нашелся, хрипло рассмеялся:

– Ты, девка, совсем от радости рехнулась! Еще бы, сам царь к тебе пожаловал! Ну, в долгу, красота, не останусь. Ты теперь у нас вдовая. Кто твою плоть побалует? А я, государь, об тебе и позабочусь. – Повернулся к опричникам: – Эй, други, разоблачите хозяйшку дорогую!

Слуги царицы сорвали одежды с Натальи, протиснули меж ног толстую веревку, начали, словно пилой, перетирать тело белое.

Охнула Наталя, но кулаки крепче стиснула, губы прикусила – ни звука не издала. Лишь слезы потоком обильным прекрасное лицо оросили. Веревка густо окрасилась кровью. Иоанн Васильевич брызнул слюной:

– Отдай, говорю, сережки! Куда запрятала, где утаила?

Опричники уже успели весь дом перерыть, жестоко домашних допросили, но так ничего не обнаружили.

Лик государев от гнева весь перекосило, сапогами в бессильной ярости топал:

– Где схоронила? Ну, говори! – Хитро сощурил глаз. – Отпущу тогда тебя на все четыре стороны, поверь, вот тебе истинный крест. – Он перекрестился.

В ответ – молчание. Рассвирепел окончательно Иоанн Васильевич:

– Перси ее отрежьте!

Малюта Скуратов, ухмыляясь в бороду, вытащил из-за пояса кривой турецкий нож, оттянул за сосок грудь и нарочито медленно – дабы мучение продлить! – отрезал. Затем деловито принялся за другую...

Так Наталью замучили до смерти.

Да и сенных девок не пощадили, над всеми опричники надругались.

Однако царь покидал хоромы виночерпия посрамленным: «сосуд скудельный» превозмог его жестокость.

Эпилог

В те дни к князю Воротынскому из дальней деревеньки приехал его племянник – Борис Ромодановский, юноша красоты необычайной и сердца отважного. Презрев опасность, они приказали своим людям собрать останки Корягина. Виночерпия похоронили рядом с его замечательной супругой в приделах церкви Владимирской Божией Матери, освященной еще в 1397 году, в Сретенском монастыре.

Ромодановский, знавший с детских лет Наталью и тайно влюбленный в нее, обнаружил серьги. Они были смертной хваткой зажаты... в ладони Натальи. С благословения священника, отпевавшего покойную, их там и оставили.

Слава о молодой мученице прокатилась по всей земле Русской.

Многие приходили поклониться праху ее, и у могилы нередко случались чудеса исцеления. Могилка Натальи сохранялась еще во времена Карамзина.

Что касается Бориса Ромодановского и князя Воротынского, то они задумали проказу небывалую, отчаянную. Но об этом – следующий рассказ.

Чужой в гареме

Как бы властелины ни лютовали, как ни заливали бы Русь кровью невинных жертв, всегда найдутся отчаянные люди, презирающие страх. Одна из таких историй случилась в эпоху Иоанна Васильевича Грозного.

Ожидание

Солнце, розовато освещая край неба, ушло за горизонт. С реки Неглинной пахло тиной и сыростью. Князь Воротынский, могучий старик, много испытывший на своем бурном веку, тяжело ступая по мягким коврам, расхаживал по обширным своим хоромам. То и дело он подходил к узкому оконцу, с нетерпением поглядывая на дорогу.

Но вот загремели цепями, злобно заворчали псы. Слуга, карауливший гостя, спешно приоткрыл ворота. Во двор въехал всадник. Воротынский облегченно перекрестился на древние образа. Легкий на ногу, в хоромы влетел юноша лет девятнадцати. Он был необычайно красив. Пухлые, почти девичьи губы, крупные сияющие глаза, длинные, спадающие на плечи льняные волосы – все в нем дышало порывом и отвагой.

– Что, дядюшка, у тебя стряслось? Надо же, прислал ко мне в рязанскую деревушку своего слугу да приказал срочно к тебе скакать!

– Эх, дорогой племянник Ромодановский, князь Борис, житье мое сделалось самым скорбным. Ребра наши ломают, кнутием мучают – и все это без вины. Соньку Воронцову помнишь, каприза которой ради государь виночерпия Корягина и супругу его Наталью перевел? С этой блудницей вавилонской еще прежде у меня по вдовецкому моему положению амурный грех был. Два года почти с той поры минуло. А тут вдруг объявилась, тайком из царицына терема отлучилась, требует: отдай, дескать, мне все драгоценности твоей покойной супруги да отпиши деревеньку. А то, мол, скажу государю, как ты, лежа со мной в спальне, его «собакой» лаял. И пугает: «Я про тебя подруге теремной сказала. Коли убьешь меня, она о тебе государю покажет». И точно покажет, если не откуплюсь. А потом, как пить дать, будет вновь стращать, с меня тянуть.

– Так беги, дядюшка, из Москвы! Затаись хоть в моей вотчине.

– А добро мое пропадай? А две дочери мои должны по гроб жизни в болотах прятаться? Нет, удумал я иное. Помню я, как ты, князь Борис, на святках девкой рядился, и даже никто не умел тебя отличить. Сделай милость, нарядись опять, а я тебя в царицын терем определю, который есть дьяволово капище и государя гарем постыдный. Сам потешишься да мне пользу сделаешь, век не забуду. Ах, заговорился я, давай к столу сядем, винца пригубим да потолкуем.

Смелый план

Выпили водки. По обычаю, для начала хлебцем заели, а уж потом за остальное взялись. Воротынский свою линию гнет:

– Ты, князь Борис, в женском наряде – истинная девица! Я у дочерей взял необходимое. – Он встал, подошел к сундуку, поднял тяжелую, обитую серебряной полосой крышку. – Гляди, башмачки красные, золотом расшитые, ноговицы сафьяновые. А вот опашень – загляденье! Перламутровые пуговицы сверху донизу – одна к другой.

– И что дальше?

– Да визнаешь, с кем она дружится, кто у Соньки подруга ближняя. А я уж остальное сам сделаю. Мой грех будет, не твой.

– А коли государь меня на ложе потянет?

– Вас, девок, много таких! – Рассмеялся. – Прежде чем до тебя, племянничек дорогой, очередь дойдет, ты все выведаешь и сбежишь. Меня спросят? Скажу: не знаю, не ведаю, куда девица та делась.

Князь Борис, зарумянившись от выпитого, куражно произнес:

– И то, пожить среди юных прелестниц – ах, прекрасно!

Грех

Тут же окрестили новым именем «барышню» – Бориса теперь звали Ириной. Дело осталось за главным – ввести юного князя в кремлевский гарем.

Случай вскоре представился. Иоанн Васильевич позвал на трапезу князя Воротынского.

Тот перекрестился перед образами:

– Господи, пронеси! Никогда не знаешь, вернешься ли в свои хоромы от этого гнусного изувера.

Молитва сердечная, видать, дошла до Создателя.

Разгрызая жареного жаворонка (эту птицу царь всегда велел подавать на стол – знал толк в еде), Иоанн Васильевич, утирая ладонью жирные уста, повернулся к Воротынскому:

– Как, князь, жизнь твоя течет?

Тот перекрестился:

– Слава нашему государю, все благоуспешно. Только заявила нынче ко мне некая девица Ирина, дальняя родственница. Нищая совсем, сиротинушка горькая, первый раз ее вижу. Но, государь, доложу – красоты необычайной, как парсуна нарисованная.

Иоанн Васильевич втянул ноздрями воздух:

– На кой ляд она тебе? Отправь в царицын терем. Пусть поживет, а там суженого ей найдем – по красоте и достоинствам.

Воротынский низко поклонился:

– Слово твое, государь, золотое! Нынче и пришлю.

Толкование снов

Царица Анна открыто предавалась блудному греху. Ее любовниками чаще всего были слуги, те, кому всегда был доступ к государыне. Иоанн Васильевич знал о похотливых проделках супруги, но, как нередко бывает между сластолюбивыми парами, он закрывал глаза на ее похождения.

Царица, словно в благодарность, стремилась обрести для гарема самых соблазнительных девушек. Вот и теперь она с удовольствием рассматривала вновь прибывшую «девицу Ирину». Та была стройна, с удивительно красивым лицом, на котором выделялись крупные, скромно потупленные очи. Под роскошным опашнем алого сукна угадывалась ладная, налитая фигура.

– Ты, Ирина, чья дочь? Где жила? – вопрошала с искренним любопытством царица. – Песни играть умеешь? Государь-батюшка к нам навещается частенько, любит песни послушать, пляски посмотреть. А жемчугами и гладью хорошо вышиваешь? Без дела сидеть девушке негоже...

За «девицей Ириной» сразу же установилась слава замечательной рассказчицы. Часами можно было слушать ее повествования про Бову-королевича или Хозяю-прозорливца. Но настоящий восторг объял всех девиц, а особенно царицу, когда «Ирина» стала рассказывать истории весьма смелые: о знакомстве жениха с невестой, о том, как баба попа в погреб спрятала, как мужик на яйцах сидел и прочее забавное.

Однажды поутру царская любимица Сонька Воронцова томно потянулась:

– Ах, какой сон мне нынче был страхованный! Иду будто себе по лесу темному, да вдруг на меня обезьян выскакивает, из себя большой и все соответственное. Как повалил он меня на сырую землю да как стал катать...

Царица хмыкнула:

– Пробудилась когда, ведь небось огорчилась? Обезьян, поди, сла-адкий!

Сонька как ни в чем не бывало продолжала:

– Я вот мыслю: к чему-де такой сон? «Ирина» уверенно рекла:

– Сие означает преизбыток в любви!

Все с ехидством захохотали: Соньку не любили за злой язык и за то, что она государю наушничала. Рассмеялась и царица:

– Вот государь задаст тебе, Сонька, «преизбыток»! А скажи-ка, Ирина, к чему во сне рыбу есть?

– Если рыба лещ – то к любовному наслаждению, – вдохновенно врал Борис.

Девушки заволновались, засыпали вопросами:

– А коли пригрезилось сено? Али сундук пустой? Ежели во сне будто иглой укололась – к чему такое?

Напрягая фантазию, Борис всем дал ответы вразумительные и обнадеживающие.

Барышни вздыхали:

– Все точно Ирина говорит, прямо как по написанному!

Тайные ласки

Приходил иногда по утрам государь. Узнал он про «Иринин» дар сны толковать. Спросил про свое ночное видение. «Девница» все складно ответила. Приказал Иоанн Васильевич «Ирину» доставить к себе в опочивальню, предварительно (по обычаю) в мыльне грушовой водой помыв. Но та, стыдливо опустив голову, призналась:

– Месячный конфуз у меня! Жалость прямо...

Свидание было отложено. Зато царица посетовала:

– Всем ты, Иринушка, хороша, да только вышиваешь, словно медведь нитку в иглоку заправляет. – Окликнула очаровательную девицу, первую в гареме красавицу: – Акси́нья, пусть к тебе в светлицу перейдет Ирина! Ты у нас искусная вышивальщица, вот и обучай со всем старанием.

Другие девицы даже позавидовали:

– Ирина сказки занятные рассказывает, с ней в светлице не заскучаешь. Любая из нас согласилась бы...

Борис был и счастлив, и смущен. Когда в первый день он узрел Акси́нью, то сердце его сладко защемило: «Ах, девица, дух мой тобою восхищен!» Вечером, сидя друг возле друга в светлице на скамеечке, они вели беседу.

Ничего не подозревая, готовясь ко сну, Акси́нья сняла телогрею и исподнее, обнажила с крепкими, как орешек, сосцами торчащие груди.

Она доверчиво говорила:

– Вот все говорят: красивая, красивая! А я свою красоту проклиная, ибо царский стрелянный Никита Мелентьев набрел единожды ко мне, сиротинушке боярской, и потребовал, чтоб я вина на подносе ему дала. Увидал, подхватился: «Нельзя, говорит, такую принцессу прятать! Пусть в царицыном тереме поживет!» Да и государю про меня рассказал. Пришлось стонать, а идти в сие непотребное место. Коли когда по любви замуж выйду, как же я, испорченная, мужу законному в глаза посмотрю?

И, уткнувшись в плечо Бориса, Акси́нья тихо заплакала. Борис, пламенея от страсти, нежно погладил ее по руке...

Сон в руку

На другое утро, согласно заведенному обычаю, гаремные девушки отправились в церковь. Сонька вела себя вельми странно: хихикала в кулак, вертелась возле царицы. Улучив момент, затараторила ей в ухо:

– Матушка-государыня! Нынче по нужде встала я да проходила мимо Аксюшкиной светлицы. Вдруг слышу – ушам не верю: несутся срамные звуки!

– Какие еще звуки? – Царица выпучила глаза.

– Какие при любви бывают! Аксюшка вскрикивала: «Еще-де, милый, еще!» Бесстыдство какое! А с кем она блудила – ума не приложу!

Смелая догадка мелькнула в голове государыни. Она строго погрозила пальчиком:

– Ты, Сонька, на ночь много, видать, фряжского лакала! Свар не затевай, язык прижми!

День прошел как обычно, а после обеда, отправляясь в опочивальню, государыня поминала «девицу Ирину»:

– Принеси мне твои вышивания, хочу успехи наблюдать.

Борис незамедлительно явился с вышивкой. Государыня работу смотреть не стала, а приказала:

– Что-то, Иринушка, сарафан на тебе в этом месте, ниже пояса, будто топорщится? Дай-ка поправлю! О, да у тебя, душа моя, игрушка тут занятная!

Повалился на колени Борис:

– Свет державный, государыня! Прослышал я про красоту твою, в самое сердце она меня уязвляху! Вот и приперся сюда тайно. Не гони, дай стопы поцеловать!

Раскатилась царица довольным смехом:

– Чего там – стопы. Целуй выше!

«Девушка Ирина» покинула царицыну опочивальню часа через два. Сказывали, что дубовая кровать, стоявшая лет двести, в тот день развалилась.

Царица удивлялась:

– До чего ж сны верно сбываются! Не зря, видать, пригрезилась мне рыба лещ...

Девичий переполох

Царицыно счастье продолжалось, однако, не шибко долго. Сонька по глупости проболталась про «срамные звуки» Иоанну Васильевичу. Тот обыкновенно еще накануне объявлял о желании видеть в своей опочивальне ту или иную наложницу. Борис Ромодановский, собственно, на это обстоятельство и рассчитывал. Он полагал, что ему удастся вовремя бежать.

Теперь же государь появился в тереме мрачнее тучи. Ткнул перстом в грудь Бориса:

– Наслышан я, что ты мастерица сказки сказывать? Зело занятно сие. Иди, голубушка, ко мне в опочивальню! Застелишь постель. И сказку расскажешь.

Царица не смогла сдержать слез, Аксинья лишилась чувств. В Сонькиных глазах светилось злорадство. Гаремные девушки – а их до полусотни! – хотя и не понимали сути происходящего, но испытали необыкновенное волнение.

Далее... Впрочем, предоставим слово историку, писавшему: «Около полуночи Кремлевский дворец огласился исступленными криками Иоанна. Царь бесновался. Размахивая окровавленным посохом, он в одной сорочке бегал по палатам и грозил убить всякого, кто попадется ему на глаза. Не встречая ни одного человека, на котором он мог бы сорвать злость, Иоанн бросился на половину Анны, где царило полное смятение. Он распахнул дверь, но на пороге упал и забился в припадке. Только это спасло царицу от смерти. Как всегда, за припадком последовало состояние полной апатии. Его перенесли в опочивальню».

И далее: на полу якобы лежал труп – в луже крови. Труп был во многих местах прободен царским посохом. (Тем самым, которым Иоанну Васильевичу суждено было пронзить собственного сына.) Но опричники, выносившие убитого, шептались: это-де не Ромодановский, а слуга царев, которого, видимо, государь прикончил в гневе: «Не попадайся под горячую руку!»

Эпилог

Тут же после кровавой расправы в Кремле какой-то всадник, бешено погоняя коня, подлетел к дому князя Воротынского. Пробыл у него не более минуты и помчался дальше. Некоторые утверждали, что на всаднике было надето... женское платье.

Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что всадник предупредил князя о беде. Тот на скорую руку собирался, возки уже выезжали из ворот, когда их окружили конные опричники. Во главе их был Малюта Скуратов, лихо гарцевавший на вороном жеребце.

Воротынского отправили в застенки. Иоанн Васильевич требовал:

– Повинись! Нарочно, мне в унижение, прислал мужика в терем моей супруги законной? Кто сей наглец?

Подвешенный на дыбу, с вывороченными суставами, старый князь хрипел:

– Знать ничего не знаю! – Он еще надеялся спасти своих близких.

Покончив с князем, государь кивнул Скуратову:

– Едем к дочкам Воротынского, поминки устроим!

На глазах Иоанна Васильевича опричники обесчестили девушек.

Справедливо полагая, что родственники Воротынского, зная о пристрастии государя переводить «изменников» под корень, постараются бежать, Иоанн Васильевич отрядил своего стремянного Никиту Мелентьева изловить оных.

Мелентьев, служивший не за страх, а за совесть, приказ выполнил. На другой день на дворцовой площади состоялась кровавая забава: голодные медведи растерзали несчастных людей.

Но накануне в царицыном тереме вновь произошло нечто необычное: светлица Аксины... оказалась пустой. Девуца бежала. Сказывали, что побег устроил юноша, лицом поразительно похожий на Бориса Ромодановского. Влюбленных никто никогда более не видел: они словно растворились на безбрежных российских просторах.

Царица Анна успела свести счеты со своей обидчицей Сонькой Воронцовой. По приказу государыни верные ей опричники привязали девуцу к деревянным козлам и двое суток насиловали ее. Затем Соньку вместе с козлами еще живой сбросили в Москву-реку.

Иоанн Васильевич был разъярен. То ли за этот грех, то ли еще за что, но царица Анна была насильно пострижена в монашенки под именем Дарья. Случилось это в Тихвинском монастыре 15 апреля 1572 года. Но четвертая жена Грозного прожила еще пятьдесят четыре года! Скончалась она в августе 1626 года, уже после воцарения Романовых.

Полынья

Необычное и страшное дело свершилось в любимой вотчине Иоанна Васильевича – Александровой слободе. Морозным ясным деньком ноября 1573 года, в канун Рождественского, или, как его называли, Филиппова, поста, на царский пруд, изобиловавший рыбой, согнали десятка два мужиков. На еще не окрепшем льду они пробивали громадную полынью. Их понукал усердный Никита Мелентьев, налево и направо раздавая затрецины. Этот воспитательный жест каждый раз встречался дружным хохотом: на берегах собралось множество любопытных. И хотя давно привыкли к государевым причудам, все ж удивлялись: «Обаче, зачем сия прорубь?» Стражники, сами толком ничего не знавшие, шутовали: «Раков ловить сей час ползете!»

Тайну знал лишь сам государь.

И сия тайна была ужасной.

Царская милость

В Кремлевском дворце вновь шумел пир.

Бояре, разодетые в тяжелые кафтаны золотой парчи с горностаевой опушкой, утробно рыгали:

– И то, последние разы гуляем! В Филиппов пост станешь тощим, яко овечий хвост.

Вот и отъедались, обжирались до бесчувствия, до несварения желудка.

Государь ел мало, но пил, как всегда, за троих. Внесли перемену кушанья. Восемь слуг водрузили на столы подносы с жареными журавлями. От каждого по кусочку отведал сам повар – таков порядок! Кравчий нарезал журавлей. Государь принял из его рук оковалок, обвел тяжелым взглядом сотрапезников: кому оказать почет, кого угостить?

Все замерли, а поп Никита, бывший некогда головорезом-опричником, потный, заросший волосом громадный мужчина, пробасил в ухо Скуратову:

– Тебе, Малюта, государь даст брашно...

Но царь обнес своего любимца, а кивнул стремянному:

– Сие от щедрот наших Никите Мелентьеву!

Мелентьев поднялся, поклонился столь низко, что смолянистые волосы свалились в лохань с солеными огурцами.

– Спаси Господь тебя, государь-батюшка! Мы все пьем за твое здравие – до дна!

– До дна, до дна! – загалдели за столом, жестами и поклонами выказывая свою преданность и любовь.

А далее случилось нечто вроде бы безобидное. Но как это бывает, имело оно самые неожиданные и страшные последствия.

Донос

Раскрасневшийся от выпитого, а больше от счастья, – сам государь его выделил! – Мелентьев вдруг обратился к царю:

– Иван Васильевич, батюшка ты наш! Как же мы тебя любим, как мы к Господу взываем о твоём благе, а эти бесовские отродья, изверги твои, заплутаи негодные...

Государь свел брови:

– Не гугни, стремянный! Какие заплутаи?

Мелентьев стукнул кулаком себя в грудь:

– Да бояре-изменники! Страдники позорные, они попрятали своих дочерей и жен по дальним вотчинам. А поч-чему? – Язык пьяно запнулся. – Мы-де знаем причину. Ишь, гнушаются...

За столом все враз смолкли. Стремянный говорил правду: Москва, устав от бесчинств Иоанна Васильевича, пустела с каждым днем. Но в присутствии государя такое мог ляпнуть или совсем глупый, или зело пьяный.

– Ты, стремянный, дело говори! – вкрадчиво молвил государь. – Али виновного назвать умеешь?

– Умею! – куражно выкрикнул Мелентьев. – Аз глаголю: быв наместни по твоему, государь, наказу в Серпухов-городе, заглянул вдруг в хоромы княжича Петра Долгорукого. Его отцу, изменнику, ты башку отсек. А княжич, вишь, скрылся из Москвы и болезным сказался. Аз скажу: здоровья его на троих хватит! И, вошед, наткнулся на сестру его Марию. Девица красоты... – Мелентьев вновь покачнулся, потерял и равновесие, и нить речи.

Побагровел Иоанн Васильевич до пота, на бритой голове выше уха нервно забилась жила. Он вцепился в подлокотники:

– Никита, возьми людей, сколь тебе потребно, и теперь же отправляйся к Долгорукому. Привезешь и его, и сестру Марию. Мой лекарь окажет недужному княжичу помощь, а Мария... я сам ее... посмотрю, хороша ли она. – Неожиданно растянул синеватые губы в улыбке: – Хороша, говоришь? Да ты, Никита, с пьяных глаз кочергу за хоругву примешь!

За столом раскатились дружным смехом.

* * *

Через несколько минут из ворот Кремля вынеслась на площадь кавалькада – десятка три молодцов верхами. Впереди – царев любимец Никита Мелентьев.

Смотрины

На другой день, когда церковные колокола отзвонили обедню, в царские хоромы ввалился едва державшийся на ногах от быстрой езды и дальней дороги Мелентьев. На его плутовской морде была улыбка до ушей. Он бухнулся в ноги:

– Государь-батюшка, все исполнил по твоему хотению! Долгорукий, эта скорпия подколотная, успел сокрыть свою сестру у соседей. Обаче, от меня не спрячешься! Нашел ее и купно с братом доставил. Княжича закрыл в клеть, а Мария возле твоих дверей счастья ждет – тебя, батюшка, лицеизреть жаждет.

– Пусть войдет! – кивнул царь.

Возглас восторга невольно вырвался у всех, кто находился в хорах. Они увидели высокую, статную красавицу. Княжна сияла молодостью, телесной крепостью, матовой белизной лица. Крупные синие глаза глядели на мир добро, но вместе с тем и величественно.

Государь помумлявил враз пересохшими губами, хотел что-то сказать, но из его горла вырвалось лишь нечто невразумительное, напоминавшее птичий клекот. В таком замешательстве царя еще никто не видел. Наконец хриплым, чужим голосом изрек:

– В Святом Писании сказано: «Честен брак и ложе не скверно...» Аз всегда рекох: блудный грех ведет к погибели души, а венец, Церковью освященный, – дорога в рай и рода продолжение.

Княжна с недоумением смотрела на тщедушного, облезлого старика.

Государь отпил из фиала вина и милостиво произнес:

– Ты, девица, будешь моей женой. Помнишь, как апостол Павел рече? «Лености ради в скверне не валяйся. Не призвал нас Бог на нечистоту, но на святость». Наш брак Создателю угоден. – Поманил пальцем священника отца Никиту, сейчас игравшего в шахматы. Некогда смолodu был он опричником, а в сан его возвел сам царь. Спросил: – Отче, ведь я от наших архипастырей разрешения на новый брак не добьюся?

– Зело супротивные они! – прогудел тот. – Да и то, брак-то пятый по счету...

– А ты обвенчаешь?

– Апостол Павел рече: «Таков нам нужен архиерей, преподобен, незлобив». Ты, государь, силен, я же немощен. Как же можно противиться? Не нашим глупым умом твою мудрость судить. Скажешь – и еще десять раз венцы на главы возложим. – Никита завел хитрые глаза к небу.

Иоанн Васильевич стал загибать на руке пальцы:

– Нынче у нас день памяти преподобного Феодора Студита, завтра – преподобного Нила, в четверток – Иоанна Златоуста, а потом – апостола Филиппа. Четыре денечка, отче, до поста осталось. Послезавтра и надо венчаться. – Протянул чарку: – Пей, отче, чтобы супружество мне в радость было! – Взглянул на Марию: – Что, девица, хочешь, поди, царицей стать?

Княжна потупила очи, но твердо произнесла:

– Государь, кто ж не желает такой радости? Я и в мечтах не дерзала, не заносилась столь высоко. Да только, государь, желаю я оставаться... безбрачной.

Все так и ахнули. Побледнел Иоанн Васильевич, пожевал узкой полоской губ, зашипел:

– Ты, дура, что такое шлепаешь языком? «Безбрачная»! Зане тебе не люб я? – Иоанн Васильевич раздул волосатые ноздри.

Мысль о безбрачии пришла княжне в голову только сейчас, но мысль эта не испугала Марию. Она решила: «Лучше в монастырь, чем в постель к этому чудовищу, убившему моего отца!»

Государь жестко добавил:

– Послезавтра свадьба! Готовься к ней, девица. И помни слова Писания: «Ходи с лицом веселым и не угашай духа своего!»

* * *

Начались свадебные хлопоты.

Приготовление

Во дворце поднялись стук и беготня. Слуги стелили новые ковры, еще прежде доставленные из Персии. Накрывали богатыми уборами широкие лавки и подоконники. Смахивали пыль с киотов, вешали шитые жемчугом застенки на образа, наливали с верхом в лампы масло.

Заготавливали для свадебных столов провиант. Вozy севрюги, судаков, сетков белозерских, бочки с икрой паюсной и зернистой, с килькой и лососями малосольной, грибами солеными и сельдями астраханскими, с языками говяжьими и поросятами парными, с лебедями живыми и журавлями морожеными, с телятиной парной и зайцами ободранными тащились бесконечно через Боровицкие и Спасские ворота.

В натопленной бане мыли сенных девок. Их уже ждали казенные венцы и телогреи. Им предстояло рядить невесту.

А для той уже приготовили шелковую белоснежную сорочку, чулки охряные, такого же цвета рубаху до пят с жемчужными и изумрудными запястьями, тончайшего шелка летник с рукавами до полу, с разрезами для рук. В нарочно изготовленной коробочке принесли свадебный подарок жениха – богатое ожерелье с лалами и алмазами: как солнце горит, цветами разными переливается, глаз отвести нет возможности!

Дело оставалось за малым. Портнихи, числом в пол-дюжину, подгоняли невесте по фигуре широкий опашень тонкого сукна и цвета клюквы, сверху донизу одна к другой пуговицы перламутровые пришиты прочно, а еще поверх наденется подволока сребротканая.

Работа спорилась ладно.

Венчание

В Спасо-Преображенском соборе тщательно законопатили окна и все щели – ни малейшего дуновения! Натопили до одури, надышали – хоть в обморок вались!

Служил Никита в новой тяжелой ризе, необыкновенно трезвый и серьезный.

Сотни огоньков свечей дрожали в позолоте паникадил, подсвечников. Дюжина великанов-дьяконов, исходивших потом и не смевших утереть чело, размахивали тяжелыми кадилами. На левом и правом клиросах – яблоку упасть некуда. То плечо к плечу стоят хористы, громкогласно и сладко вздымают под высокий купол божественные слова. Ах, лепота неземная!

Разомлевшие бояре старательно крестятся, отвешивают поклоны, бухаются на колени. Невеста – заглядение: статная, красивая.

Государь был хмур. Церковные иерархи и сам патриарх, вопреки всем царевым унижениям, просьбам слезным и угрозам, разрешения на этот брак не дали: православие-де запрещает вступать в супружество более трех раз!

«Ну, вы за сию строптивость еще восплачете слезами кровавыми!» – со злобной решительностью думал Иоанн Васильевич.

Иерихонским ревом долголетия возгласил дьякон.

Повели вокруг аналая. Узловатыми пальцами с короткими широкими ногтями государь взял узкую холеную кисть Марии. И злоба почему-то с новой силой вспыхнула в груди его.

К целованию поднесли большой серебряный крест. Согласно чину, Мария опустилась на колени. Священник Никита, повернув лицо к государю, нараспев возгласил:

– Дабы душу спасти, подобает бо мужу уязвляти жену свою жезлом, ибо плоть человеческая грешна и немощна!

Стоявшие поблизости Басманов и Мелентьев явственно услышали:

– Уязвлю, уязвлю!

Брачный пир

– Слава те, Господи! – Алексей Басманов тайком подмигнул Мелентьеву. – Венчание к концу идет, ноги совсем уж взомлели.

– Да и с самой зари во рту маковой росинки не было! – сглотнул слюну тот. – Нынче чрево свое потешим, царский стол – обильный.

Вскоре гости двинулись из Спасо-Преображенского собора в трапезную. Столы на три сотни самых почетных гостей ломились от яств и напитков.

Грозный, как всегда насупленный, напомнил:

– И для черни не жалейте брашна и питий! Пусть помнят щедроты Иоанна Васильевича. Ведаю, любит меня народ, ибо вас, бояр, в трепете держу.

– Истинно так, батюшка, обожает тебя чернь, яко отца родного.

Сели за столы, заскрипели под тяжестью тел добрые лавки, коврами устланные.

Опрятные и благолепные мужички-игруны завели музыку на сурьмах, бубнах, тарелках. Их сменили сенные девки с подблюдными песнями, ужасно почему-то тоскливыми.

Государь подал знак, и девок прогнали взащей. Зато Иоанну Васильевичу понравились молодые плясицы, которые складно и степенно вели хороводы.

Гости же не могли оторвать взглядов от царицы. Она была полной противоположностью сумрачному мужу: лицо ее светилось бесконечной добротою и юной прелестью.

Сидевший рядом царь – щедушный, с впалой грудью, бритоголовый, с красным крючковатым носом, сумрачным взглядом крошечных глазок – напоминал ошипанного воробья, по ошибке залетевшего на чужой шесток.

Иоанн Васильевич, человек неглупый, кажется, осознавал свое убожество. И это явно бесило его. По свадебному чину молодым вовсе нельзя пить и не положено набивать чрево. Государь же то и дело прикладывался к золотому с червлением кубку, и кубок в его с набухшими венами руках зримо трясся. Он уже успел возненавидеть свою новую, пятую по счету жену. И ему вдруг захотелось при всех унижить эту красавицу, показать ее никчемность и малую значимость.

В знак того, что он будет говорить, государь поднял кубок. В мгновение ока за столами все стихли. Усиленно прокашлявшись, сипло произнес:

– В писаниях святых отцов как сказано? Что есть жена? Это есть сеть для прельщения человека. – Он уперся красноватыми глазками в Марию. – «И светла лицом, и высокими очами мигающа, ногами играюща, много тем уязвляюща, и огонь лютый в членах возгорающа». – Государь назидательно вознес худосочный перст. – Жена есть покоище змеиное, болезнь скорбная, бесовская – тьфу! – сковорода, соблазн адский! – И он вдруг засмеялся одним ртом, показав мелкие изъеденные зубы, а глаза остались мертвыми, даже морщинки вокруг них не собрались.

Вкушавшие государево брашно дружно поддержали:

– Правильно речешь, батюшка! Это все одна бесовская сковородка.

Иоанн Васильевич вдруг рыкнул:

– Ух-х, гулены, хор-роводники! Пр-рочь! Молодым опочивать пора!

Осоловевший на голодный желудок от вина Мелентьев сдуру осмелился возражать:

– Государь-батюшка, посиди с нами! Ведь еще и первую перемену горячего не подавали.

Иоанн Васильевич окончательно рассвирепел:

– Отца своего будешь учить детей делать, выблядок поганый! Смотрю, смелы вы тут стали не по чину-званию.

Гости повели молодых в сенник.

Путь-дорожка

Гульба, как и прилично свадебному торжеству, длилась всю ночь и плавно перешла на утро. Некоторые, упившись, валялись на лавках, а иные и под оными. Возле дворца гулял простой народ: пили за государя-благодетеля!

И все время, сменяясь, звонари били в колокола.

За разговорами и шумом в государственной трапезной никто не обратил внимания на вошедшего Малюту Скуратова. Тот вырвал из рук пробежавшего мимо слуги большой серебряный поднос и с размаху грохнул им по углу стола. Резкий звук заставил шумевших смолкнуть. Скуратов гаркнул:

– Государь уже собирается, скоро тронется в Александровку. Всем сказано ехать вслед. – Усмехнулся: – Упившихся покласть в сани, на ветру быстро очухаются.

За столами недовольно зашумукались:

– Недоумение одно! Чего это вдруг – ехать? Вроде бы не собирался.

* * *

Не прошло и часа, как длиннющий кортеж карет, рыдванов, возков, пошевень, саней двинулся по улицам Москвы. Под полозьями весело хрустел свежий снежок. В оранжевом диске повисло морозное солнце. Из сотен печных труб шли веселые дымы. Толпы народу стояли вдоль улиц, приветственно махали рукавицами, низко кланялись государю и молодой царице:

– Многие лета и поболее наследников! – И восхищались: – А государыня и впрямь хороша собой, краше не бывает!

Та, словно рождена была для трона, ласково улыбалась всем: юродивым, ремесленникам, нищим, торговым людям, клосным, бродягам...

Черная тайна

Спустя четыре часа, обкусывая сосульки с бород, с трудом двигаясь в тяжелых шубах, гости спешили у царского дворца в Александровой слободе.

Иоанн Васильевич, за всю дорогу не проронивший ни единого слова, ни разу не ответивший на приветствия, подозвал Никиту Мелентьева и Малюту Скуратова. Он что-то буркнул им и закосолапил в свои покои – вкусить винца и вздремнуть после дороги.

Мелентьев же засуетился, приказал:

– Бегом десятка два мужиков на пруд – полынью пробивать!

...Толпа любопытных, собравшаяся на берегах, наблюдала за работой и рассуждала:

– Не иначе как сам государь пожелал рыбку свежую к столу выловить! Вон и креслице ему служивые тащат, на лед ставят. Дай Бог здоровья Иоанну Васильевичу, добрый он у нас! Не то что в чужеземных странах короли-нехристи. А наш, сказывают, сегодня прикажет угощение в честь своей свадьбы посадским выставить. А рыба – для закуски!

Другие возражали:

– Было бы чего выпить, а закуска – лишнее! Можно из дому чего свое принести, огурец соленный али капуста.

* * *

Тем временем обнажилась ото льда темная тяжелая вода. Ратные люди, помахивая копьями и бердышами, не допускали на лед любопытных. А тех прибывало все более и более – из окрестных сел и деревень тащились: чего, мол, еще учудил государь-батюшка?

Мороз крепчал, но никто не расходился. Солнце окрасилось кровавым цветом и потянулось к закату. Перламутровый горизонт начал темнеть.

Вдруг широко распахнулись ворота дворца. Появился сопец с трубой, приложился, разрезав воздух резкими звуками. Стаи ворон всполошно поднялись в небо.

И тут показался в богатом убранстве, прижимая кривоватыми ногами сытые бока жеребца, сам Иоанн Васильевич. В нескольких саженьках сзади каурая кобылка, понуро опустив голову, тащила легкие пошевни.

Народ ахнул:

– Кто, кто в пошевнях, да еще нагишом?

Действительно, в пошевнях навзничь лежала раздетая догола царица Мария. Ее запястья были вервием приторочены к облучку, отчего казалось, что Мария распята. Видать, ее давно держали на морозе, ибо тело сделалось совсем белым, словно фарфоровым.

За пошевнями двигались стражники. Жуткая процессия остановилась на берегу. Стреманный Никита помог государю слезть с жеребца и под локоть повел к креслу.

Народ увидал, что по щекам Марии стекают, медленно застывая, слезы, а губы шепчут отходную молитву. На ее лице был написан немой вопрос: за что?

И этот вопрос ропотом повторился в толпе:

– За что казнит? Зачем лютует царь?

И народ вдруг двинулся вперед, словно желая отбить беззащитную жертву. Но стражники грозно ошетинились копьями, кому-то бердышом полоснули по лицу, кровью брызнули на снег, зашибли до смерти, и толпа покорно откатилась назад, стихла.

Иоанн Васильевич, опасливо косясь на людей, дал торопливый знак Скуратову:

– Начинай!

Тот вышел вперед и обратился к толпе:

– Православные! Се узрите, как наш православный государь карает изменников, не щадя никого. Долгорукие хитростью обманули государя, повенчали его на княжне Марии. А Мария-то еще до венца потеряла свое девство, слюбилась с кем-то. И о том государю ведомо не было! И что много говорить? Государь, будучи безмерно добр, решил с изменницей поступить по-христиански, все простить ей и отдать ее на волю Божью.

– Врет все злыдень! – роптали смельчаки.

Историк свидетельствует: «После этих слов Малюта подошел к пошевням, достал нож и уколол запряженную в них лошадь в круп. Лошадь сделала скачок. К ней подбежали опричники и стали осыпать ее ударами. Испуганное животное бросилось вперед не разбирая дороги. Через несколько секунд раздался всплеск, полетели брызги, и лошадь вместе с пошевнями и царицей погрузилась в ледяную воду.

Зрители невольно ахнули. Затем наступило глубокое молчание. Все как зачарованные глядели на поверхность пруда, где расходились широкие круги и поднимались пузыри. Наконец вода успокоилась и снова приняла вид зеркальной глади».

Иоанн Васильевич перекрестился и облегченно вздохнул:

– Стало быть, такова воля Божья! – Помолчал, добавил: – Ишь, много мечтала о себе...

– Бесовская сковородка! – угодливо добавил Никита Мелентьев. – Своей злохитростью тебя, свет-батюшку, опечаловала! Пойдем, благодетель, яства вкушать, а мы, как ты приказывал, девок посадских, самых лучших согнали во дворец.

* * *

Пугая обывателей, всю ночь из окон дворца неслись громкие пьяные крики да девичий визг.

Эпилог

Расправившись с Марией, Иоанн Васильевич принялся за княжича Петра. Для начала он выдрал у него передние зубы. Лениво позевывая, вопрошал:

– Так кто погубил княжну?

Петр плевался кровью, с ненавистью глядел на царя:

– Ты и есть ее погубитель! Скажи, государь, какой ты ей муж: ободран, зело пропит! Одумайся, в ад ведь пойдешь! Всех ты мучишь, духу лукавому поклоняешься.

– Пусть тебя Малюта спрашивает, коли мне грубишь! – напускал на себя смиренность государь.

Скуратов подвесил княжича на дыбу, выворотил члены. Тот непреклонно, стеная, вопил:

– Государь погубитель сестры! А ты, собачье отродье, дьявола сын.

Иоанн Васильевич вдруг всех поразил, приказав:

– Отпусти, Малюта, княжича! Он не ответчик за сестру.

– Твоя воля, государь!

Малюта, однако, ослушался. Петра он взял под стражу. Жаждая крови, в тот же день Малюта отправился в застенки и перерезал княжичу горло.

Тем временем тучи сгустились над головой Никиты Мелентьева...

Тайные проказы

В Троицкой церкви Александровой слободы царил сумрак. За маленькими решетчатыми окошками давно стемнело. Тихо потрескивали свечи, бросая неверный колеблющийся свет на два закрытых дубовых гроба. Панихиду служил священник отец Никита. Вместе с гробами он по воле Иоанна Васильевича был на розвальнях доставлен из Москвы.

Вдруг отец Никита совершенно отчетливо услышал, как в одном из гробов раздался сдавленный стон, потом крепко, словно головой, что-то стукнуло в крышку. На скамейке в углу тихо дремал стражник. Он, кажется, ничего не слышал. Других свидетелей в церкви не было. И вновь из гроба донесся какой-то шорох. Священник заторопился, закончил молитву. От ужаса тряслись руки и холодело сердце...

Фаворит

Государев сокольничий Иван Колычев был громадным детиной с гривой белокурых волос, с озорным блеском глаз, весьма любивший различные забавы. Иван был неутомим во время пиров и царских охот, умел зараз съесть жареного поросенка и выпить полведра фряжского вина.

Еще умел Иван ловко играть в шахматы – равных тут ему не было, даже всех иностранных гостей и послов обставлял. Проигрывал он единственному игроку – государю. И поступал разумно: государь не любил шибко умных.

И еще всех обошел Иван в делах амурных. Законы женских теремов суровы. Не то что поцеловать – зреть лицо девицы или женщины из чужого дома – дело невероятное, но сокольничий, поди, знал секрет. Говорили, что сама царица Анна, теперь по воле государя уже скромная черница Дарья, не устояла против его ласк. Да и то: грех сладок, а человек падок.

Из-за этого самого притягновения к блудному греху и начались у Ивана неприятности. Был у него старинный знакомец, тоже большой любитель шахматной игры, Дмитрий Хвостов. Сей муж некогда состоял стольником у государя. Но за годами, а более того, по причине немощей уже третий год находился не у дел.

Развлекаясь игрою и часто бывая в доме Хвостова на Покровке, Иван несколько раз ненароком столкнулся с его дочерью Василисой. Волоокая, с нежным румянцем на ланитах, с русой косой в оглоблю толщиной – ах, неотразима!

Красота эта наповал и с первого раза сразила Ивана. Через комнатную девку Фроську послал Иван Василисе богатое жемчужное ожерелье, а затем и толстый золотой браслет. То и другое отвергнуто не было, но принято с благодарностью.

Иван уговорил Василису открыть ночью окошко, что на высоком втором этаже женской половины не было зарешчено.

Случилось это в первый раз в престольный праздник Зачатия Иоанна Предтечи, что в конце сентября.

Осмелев, молодые начали встречаться чуть не каждую ночь.

Блаженство это вечно продолжаться не могло. Старый Хвостов то ли сам догадался, то ли кто из людишек ему донес, но однажды, перед самым Филипповым постом, он застукал шалунов во время преступления.

Отцовские заботы

Блудники как были в чем матери их родили, пали на колени, молили прощения. Хвостов отходил их по спинам подвернувшимся под руку поленом, но людишек на помощь благодарно звать не стал.

Решил он дело тихо спустить, втай.

Тяжело отдышавшись, Хвостов молвил:

– Так-то, сокольничий, ты дружбу нашу понимал? За что позором покрыл мои седины?

– Прости...

– «Прости»! Полно языком шлепать! От твоего плюсканья славы мне не прибудет. Ведь ты, сокольничий, уже женат. А куда я свою девку опозоренную дену? – Повернулся к Василисе: – Чести своей, дура, сохранить не умела! – И, снова закипая гневом, топнул сапогом. – Беда моя велика, да и тебя, сокольничий, не пожалею. Государю правду на тебя открою. Справедливость в нем не истлела, взыщет он с тебя, Иван, ой как взыщет!

Сокольничий, приходя в себя и натягивая порты, огрызнулся:

– Проку, Дмитрий Прохорович, мало тебе от ябеды станет. Царь мне ничего не сделает, я в его любимчиках хожу. – Иван старался говорить убедительней, хотя сам не верил своим словам. – А вот Василису в свой гарем заберет, как пить дать заберет.

Девушка, закутавшись в одеяло, убежала в соседнюю светлицу. Мужчины замолкли, каждый думая о своем. Наконец сокольничий решительно сказал:

– Дмитрий Прохорович, я набедокурил, я дело и поправлю. Есть у меня жених путевый. Вдовый, но еще в соку, у государя в чести, дом от богатства ломится. Увидит Василису – голову от красоты потеряет. Тяжко тебе, да не кручинься, а меня послушай. – И сокольничий задышал в ухо слова, от которых лицо оскорбленного отца стало малость светлеть.

Долго мужи хитрое предприятие обмозговывали, а потом перешли в трапезную и за могучим дубовым столом завершили дело обильным ужином.

Хвостов выпил водки, несколько оттаял, хмыкнул:

– Василиса девка пригожая, да вбила себе в башку глупость...

Иван, с любопытством слушая, подливал в чарки водку:

– Это ты, Дмитрий Прохорович, об чем?

– Да еще совсем дитем была, а одно твердила: «Желаю-де быть царицей. Вырасту – замуж только за царя пойду!» И плеточкой учил ее, а все то же клусила.

– Ну, теперь-то хоть поумнела?

Хвостов вздохнул:

– Где там! Нет-нет да вякнет: «Точно царицей буду, кроме царевичей, другие женихи мне негожи!» Вот и досиделась уже, перестарок, ведь осьмнадцатый годок пошел. – Сжал кулаки и, вдруг наливаясь кровью и вновь впадая в гнев, выкрикнул: – Да теперь уж дурных речей ее слушать не стану! И ты, сокольничий, держи свое слово, делай все согласно уговору.

Прощались почти дружески. Иван сдернул с пальца дорогой перстень:

– Возьми, Дмитрий Прохорович, в сладостный дар! И еще тебе английского сукна пришло. Только на меня сердца не держи, Бога ради.

– Пришли, пришли! – согласился Хвостов, рассматривая крупный лал и сажая перстень на толстый указательный палец.

Иван двинулся к окну, желая уйти тем же путем, как пришел.

Хвостов фыркнул:

– Совсем сдурел, сокольничий? Иди в двери. – И повторил: – Ты не обессудь: слово не сдержишь – государю на тебя буду ябедничать.

Гроза

Иван отыскал в соседнем проулке своего холопа. Тот держал под уздцы заседланного коня бурчалой масти. Иван ловко, едва коснувшись стремени, взлетел в легкое седло. Почесал задумчиво курчавую бородку, подумал: «Эх, пагуба какова со мной прилучилась!»

Медленно, придерживая ретивого коня, направился к себе, на Солянку. Почему-то в голову пришли слова Писания: «Приспело время страдания, подобает вам неослабно страдати!» Усмехнулся, вслух произнес:

– Нет, рано мне венец терновый на главу примерять!

Любовь к Василисе, словно острая заноза, вошла в сердце. И вынуть эту занозу Иван был не в силах. Но обстоятельства вынуждали его к этому. Тяжело вздохнул, твердо решил: «Обаче, делать нечего! Завтра пораньше пошлю к Никите Мелентьеву нарочного. Пусть предупредит, что после поздней обедни к нему в гости пожалую! Господи, спаси и помилуй, не оставь меня в моем предприятии!»

Рванул ветер, зашумел в верхушках деревьев. И словно грозное предзнаменование, полнеба осветилось фиолетовой молнией, страшно грохнуло, и уже через минуту-другую началась поздняя осенняя гроза.

О повреждении нравов

Над рекой Неглинной волокся сырой туман. Нудный дождь сбивал листья с берез и осин. В Рождественском монастыре отошла обедня. Прихожане, зябко кутаясь, спешили к родным очагам.

В доме стремянного Мелентьева, стоявшем на высоком берегу, по соседству с монастырем, было просторно, тепло, богато. Стены обиты узорчатым штофом, широкие лавки застланы, на полы мягкие ковры брошены. Вдоль стен – скрини и сундуки, добром всяким набитые. Дубовый стол с резными ножками умелой рукой изографа расписан благостными картинами из Нового Завета.

И вот во дворе злобно зарычали, загремели тяжелыми цепями громадные псы. В предупредительно распахнутые ворота верхом въехал сокольничий Иван. С необычайной ловкостью соскочил с расшитого разноцветными шелками седла, бросил поводья конюшенному и стремительно взбежал по заскрипевшим ступеням крыльца.

В сенях два поджидавших холопа бросились снимать с сокольничего одежды. Другие торопливо зажигали в трапезной толстые свечи, заодно прочищая колпачки для их тушения и кладя рядом с шандалами.

Никита Мелентьев, искренне радуясь приятелю, с широкой улыбкой спешил встретить на крыльце – уважения ради.

– Гость дорогой, не купленный, даровой! Твой человек, Иван свет-Колычев, нынче прискакал, речет: хозяин-де пожалует в шахматы играть. Хотя игрок я неважный, с тобой, сокольничий, равняться не могу, но зато за трапезой ни в чем не уступлю...

Иван обнял хозяина, прервал поток слов:

– Коли государь наш возлюбил шахматы, так и нам, ближним его, учиться тому ж прилежно следует! Завтра начнет по деревьям лазить, так и мы обезьянам уподобимся – туда же. – Расхохотался.

Стремянный согласно кивнул:

– А как же! В какую сторону голова смотрит, туды выя и поворачивается.

– Развезло, обаче! – бодро проговорил Иван, проходя в горницу и осеняя себя крестным знамением. – До чего нынче людишки вороватые пошли – страсть! Тащут все, что под руку подвернулось. Мостки вдоль Неглинной намеренно положили, так их уже сперли. Телеги в грязь аж по ступицу увязают! Мой конь на что доброезжий, да и то в реку по скользкому берегу едва не сверзся.

Мелентьев согласно тряхнул длинной прядью смолянистых волос:

– Распустились людишки! В старину порядка больше было, ибо народец наш узду любит.

– Воруют без всякого смысла! – продолжал гнуть свою линию Иван. – Вчера в Успенском соборе, пока отец Никита отвернулся, какой-то заплутай кропило утянул. Схватили дурака, вопрошают: «Зачем посягнул? Кропило ни продать, ни в хозяйство употребить». Заплутай плечами водит, глаза опускает: «Сам не ведаю, бес попутал!»

– И что?

– Отец Никита, известное дело, сердцем мягкий, приказал уже отпустить, да тут государь к заутрене пожаловал. Речет: «Жалко дурака, да делать нечего! Придется его отдать на волю Божию. Свяжите да в Москву-реку положите. К бережку прибудет, значит, жить будет». Бросили в воду, а заплутай возьми да ко дну пойдя. Утоп, сердечный!

Стремянный одобрительно крякнул:

– И поделом мазурику! Я тебе, друже, скажу, что во многих теперешних нестроениях государь виноват...

Иван хохотнул:

– Чем тебя свет-батюшка опечалил?

Мелентьев горячо заговорил, размахивая длинными рукавами кафтана:

– А как же? Народ – он как лошадь ленивая: погонять не будешь, так и пахать не станет. Всяких пьяниц, воров, мздоимцев кнутови биению и огненному жжению предавать надо беспощадно. А государь наш, дай Бог ему здоровья, печалуется о каждом, прощает, а оттого и нравы в народе нашем повреждаются.

И стремянный воззвал:

– За твое доброе здоровье, Иван! Одолжи меня, пей полным горлом да закуси вареным зайцем с лапшой.

Приманка

После того пришла очередь Ивана Колычева тост говорить. Как и положено, он встал из-за стола, долго и цветисто восхвалял достоинства хлебосольного хозяина и всю речь закруглил загодя обдуманной фразой:

– За процветание, Никита, твоего дома, чтоб ни зернышка единого мышшь из твоего добра не расточила, чтоб ни капельки лампадного масла мимо не пролилось!

Стремянный благодарил поклоном, осушил чарку, повернул дном ее вверх (дескать, уважил, пил до конца!) и со вздохом молвил:

– Эх, Иван, друг мой сердечный, признаюсь: как в прошлом году Господь прибрал мою любимую женушку, так хозяйство мое из рук вон плохо идет. Я все на службе государевой, а за добром догляда надежного нет. Кто приставлен чего хранить, тот то и тащит!

Иван озорно сощурил глаз:

– Муж ты, Никита, в самом соку! Плоть, поди, играет?

– Играет, да еще как!

– Это тебя нечистый на блудный грех толкает!

– Ах, как толкает...

Сокольничий чуть, уголками губ, улыбнулся, подумал: «Ловко дело подвел!» И приступил к главному, за чем сегодня пожаловал.

Соблазн

Иван Колычев лениво, безразличным тоном протянул:

– Чему ты кручинишься, стремянный? Человек ты видный, за тебя любая девка замуж пойдет, даже из самого лучшего дома.

Никита малость посопел, пожевал ножку голубя и вздохнул:

– Оно, конечно, так! Обаче, жена не гусли: поиграв, на стену не повесишь. Тут мозговать крепко следует, чтоб опосля век не жалеть.

Иван поддакнул:

– Зело правильно речешь, Никита! Свадьба скорая, что вода полая: сойдет, тина лишь останется. Свахи свой интерес блюдут. Наговорит, пузатая, о невесте с три короба, лести наплетет: и такая, дескать, красавица, не ндравная, и хозяйственная, а под венцом разглядишь – истинно кикимора болотная.

– А что делать? – развел руками Никита. – Таков дедовский обычай: прежде чем под венец поставят, суженую-ряженую женишок не должен зреть.

Иван наддавал жару:

– Про свадьбу Гришки Копорского слышал?

– Это который у государя постельничим был, пока тот его копием за какую-то вину не прободил?

– Да, он! Подкатали к Гришане сваха, в уши речи медовые льет: у богатого купца-де дочка красоты несказанной, ну царица Савская! Но Гришаня – не промах! Режет свахе: «Пока своими глазами не увижу – свататься не стану!» А девица та и впрямь с изъянами была: ока одного нет и на правую ногу припадает. Каково? Ох, умора...

– Неужто надули? – У Никиты глаза горят, весь в слух превратился.

Иван громово расхохотался:

– Сии заплутаи Гришаню вокруг пальца провели! Усадили девицу на стульчик – не смекнешь, что хромая, да лик показали со здоровой стороны. Ну, понравилась она Гришане, стал сватать. А когда под венцом разглядел жених свою кралю, так уже поздно было – заднего хода нет.

– Вот уж женился, как на льду обломился.

– Сваха лукавая, что змея семиглавая, – гнул свою линию Иван. – Ей только свой интерес урвать. – Доверительно понизил голос: – Дело следует по хорошему знакомству ладить. Есть у меня на примете такая лапушка, что тебе голубушка белая! Нрава веселого, по хозяйству недреманная. Был бы холост, сам не упустил бы. Вот те истинный крест!

– Да кто ж такая?

– Об том позже скажу. А может, и нет. Стоишь ли ты такой невесты? Сначала надо еще выпить. За твою женитьбу!

Никита явно был заинтересован словами приятеля. Задумчиво сказал:

– Признаюсь, меня свахи уже обхаживают. Обещают добрую девицу просватать, по моим достоинствам. Только теперь я им доверять боюсь.

Иван закивал:

– Обманут тебя свахи, забота у них такая! Ладно уж, знай: есть девица, что у нее женихов сто, а достанешься ей один ты!

Никита вплотную на лавке приблизился:

– Да кто ж такая?

– Боярина Хвостова дочь Василиса.

– Это что на Покровке?

– Точно!

Никита подозрительно прищурился:

– Откуда ты зреть мог эту Василису? Девки всегда на своей половине сидят, гостям не показываются.

Иван рассудительно произнес:

– Прикинь умом: по дружеству своему часто у Хвостова в хоромах бываю, вот и ненароком раз-другой с ней столкнулся. – Обнял приятеля за плечи: – Человек ты, Никита, самый счастливый. Другой такой красоты во всей Московии, поверь, не сыскать.

В голосе сокольничего звучала искренность и тоска. Ох, крепко присушила она, эта чаровница, сердце Ивана.

Глаза Никиты блеснули, он уже верил каждому слову, но на всякий раз спросил:

– Точно ли – красавица?

Сокольничий деловито заметил:

– Ты у старика Хвостова в чести, я его попрошу, он вызовет Василису в гостиную, а ты в окно зреть будешь.

Никита хмыкнул:

– Это как Гришаня Копорский?

– Я скажу Хвостову, чтоб он Василису со всех сторон повертел: и глаза, и нос, и уши – все на месте. – И широко, во весь белозубый рот, улыбнулся: – А лядвеи, перси и все тайное после венца узришь – с интересом сугубым!

– А когда к Василисе под оконце пойдем? – Никита с нетерпением постучал ладонью по столу.

– Распалился, стремянный? Коли тебе приспичило, быстро устрою. От тебя напрямик к Дмитрию Хвостову на Покровку стопы направлю.

Никита поднял чарку:

– Дела для нашего ради выпьем! Спаси, Господи, и помоги!

Приятель дружно опрокинули в глотки вино.

Уплетая за обе щеки студень, Никита вдруг с тревогой сказал:

– Коли и впрямь невеста моя столь хороша собой, как бы Иоанн Васильевич... того... к себе в женский терем ее не потребовал!

– А ты, жених простоватый, дело все соверши втай, когда государь отъедет, скажем, в Александровку. А зимовать ее в дальнюю вотчину отправь. Коли слух дойдет о свадьбе, так и скажешь государю: «По хозяйственным заботам наладил супругу туда-то, да и младенца в утробе уже носит!» А там дело забудется.

– И то! – удовлетворенно кивнул Никита.

* * *

В тот же вечер Иван побывал у Хвостова. За обильным ужином тщательно обмозговали всю затею.

Чтобы еще более распалить Никиту, решили малость дело потянуть.

Смотрины

В тот год морозы ударили рано. Уже к родительской субботе стали реки, а снега выше голенищ намело.

Когда ледяной месяц высоко стоял в радужной оболочке, обливая снег волшебным палевым светом, а воздух был полон снежных переливающихся искр, сытая, украшенная волчьими и лисьими хвостами лошадь вынесла двух седоков на Покровку. Ехали прытко, лошадь метала задними копытами комья снега, но без звона. Должно быть, шуму лишнего опасались, вот колокольцы и перевязали.

И подъехали как-то странно, не к воротам, а к задам обширной усадьбы, обнесенной крепким, остро затесанным частоколом. Из саней вылез громадного роста мужчина в собольей дохе. Он уверенно подошел к хорошо, видать, известному месту и сильной рукой решительно сдвинул незакрепленные три жердины. Оглянувшись, тихо свистнул:

– Чего, уснул? Сюда топай!

Некто, тоже весьма дородный и в широком, подбитом мехом охабне, заспешил к пролому в ограде, в котором обе таинственные фигуры скрылись.

Осторожными шагами, стараясь двигаться в скудной тени голых деревьев, оставляя глубокие следы, они преодолели снежную целину, миновали хозяйственные постройки и вплотную подошли к большому хозяйскому дому. Было залаяли цепные псы, да, почуяв знакомого, смолкли.

Кругом – морозная тишина, лишь в некоторых окошках слабо светил свет, но в двух, что на первом этаже, был он весьма ярким.

Седоки направились именно под эти окна и с любопытством прильнули к ним. В двух больших подсвечниках горели свечи. За столом восседал маститый старик Хвостов. Он что-то (не разберешь!) говорил девице, одетой в пышное платье.

«Ишь, словно в царский дворец собралась!» У стремянного сладко заныло в груди. Смеющееся прельстительное лицо девицы играло румянцем, в задорной улыбке белели зубы. Из-под длинных бархатных ресниц горели лазоревые глаза. Стан был тонок, грудь высока. Никите показалось: сейчас он протянет руку, обнимет эту красоту неземную, сорвет одежды и найдет губами ее жгучий поцелуй.

Он вздрогнул: кто-то потянул его за рукав. С трудом оторвавшись от соблазнительного видения, Никита увидел в заиндевелой бороде лицо сокольничего. Тот шепнул:

– Пошли! Обвенчаешься – и не такое узришь.

Шагая по своим следам, они выбрались обратно в проулок, прыгнули в пошевни, и терпеливо ожидавший холоп хлестанул коня:

– Н-но!

Никита в восхищении молвил:

– Ох, красива – сил нет! Засылаю сватов.

Наставления

Свадьбу сыграли после Филиппова поста – в конце января. Государь уже второй месяц безвылазно сидел в возлюбленной им Александровке. Нарушая приличие, осторожности единой ради, Никита Мелентьев благословения у царя не просил, на свадьбу не приглашал.

Семейная жизнь с Василисой, веселой, добродушной, проказливой, так по нраву пришлась стремянному, что он не смог от супруги оторваться, в свою владимирскую деревеньку ее не отправил.

Доноски – достояние всех времен и народов. Так что государь вскоре прознал про свадьбу, хитро сощурил око:

– Как на тебя, Никита, Христос поглядит, как Пречистая Богородица позрит, коли от государя своего дела тайные содеял? Грех сие.

Зная нрав Иоанна Васильевича, не терпевшего оправданий и тем паче возражений, упал стремянный на колени, смиренно молвил:

– Согрешил, государь, прости мя!

Кругом столпились люди, ближние царю, и с замиранием сердца ждали кровавого завершения событий. Но государь только что выиграл партию в шахматы у Ивана Колычева, был в хорошем расположении духа. Его подмывало блеснуть красноречием:

– Помни, стремянный, муж и жена судьбу свою совокупляют не ради блуда греховного, а токмо для воздания должной любви Господу. – Царь нравоучительно воздел перст. – Пейте от своего источника, а к чужим студентам не приникайте. Просто реку: друг от друга не соблудите и не желайте красоты чужой. Во всяком колоде одинакова вода и ничем не разнится. Уразумел? – Попил вина, ладонью утер уста, добавил: – Привези во дворец, похвались молодой супругой! Одарить ее по-царски желаю.

Никита Мелентьев не потерял обладания. Мужественно глядя в мутноватые зрачки царя, со вздохом вдохновенно соврал:

– В болезни ныне пребывает, красная сыпь по всему телу у ей! А за ласку низко благодарю, великий государь. Да продлит Господь твои лета!

Иоанн Васильевич махнул расшитым золотом рукавом:

– Ну, лечи ее, стремянный! Может, лекаря прислать? Не хочешь – не надо...

А тут и сам государь занедужил да новые заботы навалились на него. Казалось, оставил он в покое Никиту Мелентьева, забыл о его молодой жене.

Гость незванный

Минуло полтора года. Мелентьев все больше входил в фавор. Царь всегда за столом посылал ему куски со своего блюда, одаривал деревеньками, пожертвовал с собственного пальца старинный перстень.

Однажды теплым майским вечером, когда вся Москва успела покрыться разлопушенными клейкими листочками, когда мягко пахло резво пробежавшим к дальнему лесу в Сокольниках дождем, царь решил оказать своему любимцу честь. Разгоняя зевак плетью, государев кортеж прискакал к обширной усадьбе Мелентьева, что на высоком берегу Неглинной, возле Рождественского монастыря.

– Встречай, стремянный, своего государя! – растянул узкий рот царь. – Чай, не ожидал такой чести?

Все засуетилось, закипело в доме. Десятки слуг сбились с ног, сталкиваясь с разбегу лбами, но подносов не роняли, и вмиг громадный дубовый стол заполнили питьем и яствами.

Как и положено по изящному этикету, появилась хозяйка с золотой чаркой вина на подносе, с низким поклоном поднесла:

– Отведай, свет-батюшка, себе на здравие!

Иоанн Васильевич едва взглянул на Василису, как задохнулся в восторге:

– Зело красота могучая, словно пламень сердце поражающа... Истинно вторая египтянка Лиалида! – Строго посмотрел на Никиту: – Ты, стремянный, небось погряз во глубине страстей? Сие вельми грешно.

Лицо Василисы заалело от царской похвалы. Мелентьев же заторопился:

– Негоже бабе стремянного пред царскими очами быть! Ступай, Василиса, к себе.

Государь ухмыльнулся:

– Суров ты, обаче! Аз реку: ныне же пришли Василису во дворец. Незачем ей тут молодость губить.

Мелентьев раздул ноздри, сжал кулаки, но смолчал, лишь покорно склонил голову. Про себя же решил: «Не отдам жену!»

Недуг

Прошло три дня. Ни Мелентьев, ни его Василиса во дворце не появились.

Государь о своем приказе помнил. Нахмурившись, произнес:

– Малюта, что стремянный Никита, жив ли? Или без передыху со своей молодой женой срамной малакией занимается? Скачи к нему, вызнай!

Через малое время, вытирая пыль с потного лица, Скуратов появился во дворце, зло ощерился:

– Стремянный сказался недужным и про свою Василису так же отвечивал.

Иоанн Васильевич как раз начал шахматную партию с Иваном Колычевым. Обдумывая хитрый ход, он кротко вздохнул:

– Зело грустно сие слушать, аз, грешный, молиться буду за здравие их, недужных! А покамест, Малюта, пошли лекаря моего Бомелиуса, пусть попользует...

В кибитке потрясся немец на Рождественку. Вернулся когда, загнусавил с поклоном:

– К женщине меня не допустили, а у самого хозяина, как у нас говорят в Пруссии, опасное воспаление хитрости. – Угодливо хихикнул.

Перекрестился Иоанн Васильевич, вздохнул:

– От сего недуга есть верный способ врачевания. – Многозначительно посмотрел на Скуратова: – Малюта, приготовь снадобье! Сейчас обыграю сердечного друга моего боярина Колычева и поедем навестить болезного. – Взял в руки фигуру, переставил на доске и с самым счастливым видом воскликнул: – Мат тебе, сокольничий!

...Кавалькада вскоре выехала из Спасских ворот Кремля. Против церкви Спаса на Бору Иоанн Васильевич остановился, снял тяжелую, обшитую драгоценными палами шапку, троекратно перекрестился, с притворным вздохом молвил:

– Помоги, Господи, облегчить страдания нашего раба Мелентьева!

Всадники двинулись на Рождественку.

Царь, наездник бывалый, красиво гляделся в седле.

Смертная чарка

– Ну, где тут хворый? – вопрошал государь, входя в хоромы стремянного. – В опочивальне? На вид такой здоровый мужчина, а вот надо же, свалился!

Стремянный, увидав, что над головой его сгущаются тучи, и впрямь занемог. В затылке что-то гудело, словно в большой набат били, а правая рука стала неметь.

Услыхав хлопанье дверей, шум под окнами, суетливую беготню челяди, Никита с трудом оторвался от подушки, хотел кликнуть слугу, чтобы одевал, как дверь опочивальни раскрылась. На пороге, в окружении своих головорезов, стоял ехидно улыбающийся государь.

Волчьим взглядом впился в Никиту, а голос прозвучал елебно, маслено:

– И что с тобой, свет-Никитушка? И впрямь тебя в крюк согнуло. А я, грешный, думал, что ты хитришь, от государя своего прячешься. Прости меня, неразумного. Малютушка, дружечка мой, зри: стремянный наш посинел, будто на льду посидел. – Помолчал, повздыхал. Со слезой в голосе добавил: – Лихорадка не матка: треплет, не жалеет. А ты, Никитушка, исправно ли молишься Сыну Божию?

– Молюсь, государь! – лязгнул зубами Никита.

– Молись со слезами, с покаянием, припадай к Богу с верою. Милостив Бог есть, иже праведников любит и грешных милует, к стопам Его прибегающих.

Царь вдруг повалился на колени перед иконостасом, стукнул лбом в пол так, что гул пошел, стал молиться.

Никита натянул на себя кафтан.

Появилась и Василиса. Она терпеливо дожидалась окончания молитв государя, привалившись плечом на дверь и держа в руках поднос с чаркой вина и хлебом.

Наконец Иоанн Васильевич бодро поднялся на ноги, выпил вино, смачно, неприлично долгим поцелуем присосался ко рту Василисы.

– Ты, стремянный, верой и правдой служил мне. Теперь и я тебе облегчение пришел сделать. Говоришь, лихорадка у тебя? – Иоанн Васильевич ласково улыбнулся Никите.

– Нет, государь, мне уже стало лучше!

Иоанн Васильевич обрадовался:

– А сейчас и совсем от недугов избавишься. Принес я тебе верное снадобье. Лечит от всех болезней на свете: от лихорадки, от горячки, от рожи, от уязвления змеи, от воспаления хитрости. – Поманил Скуратова: – Эй, Малюта, налей, для друга не жалеи!

Мелентьев сжал губы, невольно отшатнулся: он увидел коварное и полное жестокости лицо Скуратова. Понял: смерть пришла! Собрался с силами, твердо сказал:

– Суди тебя Господь, Иоанн Васильевич! Я противиться не смею. Но помни: коли обидишь Василису, с того света приду к тебе, взыщу.

Царь хрипло рассмеялся:

– Напрасно!

Скуратов протянул чарку. Мелентьев перекрестился, повернувшись к образу Матери Божьей, выдохнул и залпом выпил.

Государь отвернулся. Скуратов, напротив, с любопытством неотрывно глядел на стремянного.

Поначалу казалось, что Никита вполне в здравии. Он сам уже поверил в чистоту помыслов государя. Так прошло несколько минут. И вдруг Никита повалился, скрючился на полу, прохрипел:

– Воды, воды... во рту все жжет, глотка горит... – Белки дико вращались, зрачки резко расширились, лицо стало пунцовым.

Скуратов сладострастно улыбался. Государь печально вздыхал.

В толпе государевых людей возвышался Иван Колычев. Взор его был мрачно потуплен. Стремянный забился в предсмертной агонии, изо рта пошла пена.

Государь перекрестился:

– И впрямь тяжело недужил наш Никитушка! Даже снадобье не помогло. – Взглянул на Василису, у которой по лицу катились градом слезы: мужа она любила. Но сейчас вдруг вспомнила свои предчувствия, те самые, давние, с ранней детской поры: «Быть мне царицей!» – и сразу на сердце как бы полегчало.

Государь, словно догадавшись о ее мыслях, мягко молвил:

– Никитушку мы похороним по-христиански. А тебе, Василиса, негоже с покойником в доме оставаться. Собирай платья, во дворец поедem, поминки устроим.

Василиса покорила судьбе.

Свеча

Минуло два года. Василиса прочно привязала к себе Иоанна Васильевича. Она ухитрилась изгнать из дворца всех женщин, которые могли стать ей соперницами. Хотя патриарх отказался благословить государя на очередной брак (седьмой, что ли?), все тот же доверенный священник отец Никита их обвенчал. Предчувствия Василисы сбылись, царицей она стала!

Она сделалась еще краше, в ее движениях, в походке появилась особого рода грациозность, улыбка еще ярче блистала на ее устах. Историки отмечают: «Иоанн будто переродился. Почти прекратились казни, Иоанн не выезжал в Александровскую слободу, его припадки случались крайне редко, оргий во дворце больше не было... Все вздохнули свободно».

Государь, которому перевалило за пятьдесят, давно, казалось бы, истощивший свою дряблую плоть беспробудным пьянством и неумеренным развратом, вдруг поразился любовью – самой страстной и ненасытной, которая бывает лишь в ранней молодости.

С каждым днем Василиса делалась все более желанной, неотразимо притягивая всех той прелестью, грацией, загадочностью, что называется женственностью.

Оставаясь наедине, Иоанн Васильевич неистово уверял царицу в своей любви, униженно целовал ей ноги, руки, самые сокровенные места, заходил слезами при мысли, что придет день, когда смерть разлучит их.

– Сердце мое уязвлено любовью к тебе! – страстно шептал государь.

Василиса не имела любви к Иоанну Васильевичу, но, как это часто бывает у женщин, смирилась, притерпелась и даже без особого отвращения принимала эти бурные, самоуничижающие признания и ласки.

* * *

Восстав однажды от послеобеденного сна, государь заглянул в спальню к супруге. С присущей ему зоркостью вдруг заметил: все четыре толстых свечи в шандале потушены не колпачками, как обычно это делалось, а огонь придавлен пальцами.

Это страшно удивило и поразило его. Пытаясь игривой улыбкой скрыть свою тревогу, спросил:

– Кто это в огонь персты сует?

Василиса, как показалось царю, с удивлением взглянула на шандал, но тут же, лениво зевнув, равнодушно отвечала:

– Ах, это? Любовников зову, вот они и давят. – Звонко рассмеялась. – Дурачок ты, Ванюшка. Разве тебя, агнец ты мой белый, может кто заменить – мудрого, в любви проворного?

Ступая красивыми босыми ногами по пышному ковру, она подошла к подсвечнику, горевшему возле скрыни, плюнула на пальчик и отважно прижала горящий фитиль. Свеча, пустив длинную струйку дыма, загасла. Игриво взглянула на государя:

– Лисенок мой ненаглядный! Я завсегда так делала в доме батюшки моего. Желает, тебя обучу?

Государь, облегченно вздохнув, буркнул:

– Я что, ума лишился? Царь станет тебе пальцами свечи тушить! И ты, Василиса, так больше не делай. Не царицыно сие дело, слуги на то есть.

Свеча (окончание)

На другой день у государя была важная встреча со шведским послом. Утром, пораньше, он навестил супругу, провел у нее почти час. Затем, помолившись, отправился в Престольную палату. Здесь его уже поджидал Иван Колычев.

– Вчера, сокольничий, ты ловко пешкой в ферзи прошел, да все едино – я обыграл тебя! – Приятные воспоминания озарили лицо государя. – Фигуры расставил? Ну, держись, сокольничий, нынче моя очередь белыми играть.

Они уселись в уголке громадного, со многими сводами зала, со стенами, расписанными картинами из Святого Писания. Слуга зажег в литом серебряном подсвечнике шесть сальных свечей.

Играли почти час. Государь одну партию выиграл, другую свел вничью. Он молвил:

– Посол прибыл, сегодня дело серьезное. Эта треклятая Ливонская война заставляет уступки шведам делать, отдать побережье Балтийского моря. Иначе мира нам не видать. Божьим попущением Эстляндия предалась Швеции и Дании, Ливония – Польше. Шутка ли, поболее трех десятков лет ратоборствуем, сколько голов положи ли, пора замиряться.

Иоанн Васильевич поднялся из кресла. И вдруг он увидел, как сокольничий, жирно плюнув на палец, пригасил возле шахматного столика ненужные теперь свечи.

Страшная догадка обожгла сознание государя. Когда нынче он прощался с царицей, та раза три переспросила: «Лисенок, переговоры скоро кончатся? Ты быстро ко мне придешь?» Теперь ясно, зачем сей вопрос.

Криво усмехнувшись, спросил:

– Не обожжешься, сокольничий?

– Привычный, в доме отца завсегда так тушили. Я и лучину могу, а свеча что? Ткнул – и погасла!

Бояре, терпеливо ожидавшие окончания шахматной игры, подошли к государю, мудрые бесполезные советы подавать начали. Не слушая их, Иоанн Васильевич направился к престолу, преодолел три высокие ступени, плюхнулся на трон.

Со свитой появился шведский посол – лысый, с напыщенным лошадиным лицом, в зеленом немислимом камзоле с золотыми пуговицами.

Толмач начал что-то трещать в уши – государь его не слышал. В сознании было лишь одно: неужто сокольничий был в спальне Василисы? Очень похоже, что именно он затушил свечи в ее шандале.

Иоанн Васильевич окинул взором лавку, на которой сидели бояре. Среди них сокольничего не было.

И он вдруг решил: быстро поднялся с трона, ноги сами понесли его на половину царицы. Скуратов и несколько стражников бросились вслед.

Толмач замолк. Шведский посол возмущенно приоткрыл корытообразный рот:

– Что такое? Что за конфуз?

Государь резко распахнул дверь в спальню Василисы. Та стояла возле ложа, взбивая подушки. Увидав мужа, заволновалась, поспешила навстречу:

– Ты чего? А переговоры? – Лицо залилось мертвенной бледностью, застыла деланая улыбка.

Грозный повернулся к дверям, рыкнул:

– Терем, Малюта, обыщи!

Скуратов тут же влетел со своими подручными. Словно тараканы, они разбежались по опочивальне, повсюду заглядывая, обнюхивая каждую щель.

Василиса, закрыв лицо руками, упала на постель.

– Тута! – радостно выкрикнул Скуратов, отдергивая штофный полог кровати.

Там стоял, скрестив руки на груди, Иван Колычев. Государь хотел что-то сказать, но лишь несчастной гримасой сморщилось старческое лицо, горестно затряслись тонкие губы.

Молодой красавец смело шагнул к нему:

– Государь, не устал ли от крови? Тебя все боятся, но и все проклинаят, как аспида гнусного. Уже на сем свете ты обрел себе муки адовы...

Иоанн Васильевич воздел посох, с силой ударил им в лицо сокольничего:

– Кал собакин! Грязь худая!

Сокольничий, заливая ковер кровью, рухнул замертво.

Эпилог

«Пусть Василиса мучается подоле!» – решил государь. Он стукнул об пол посохом:

– Связать изменницу, завернуть в волчьи шкуры и положить в гроб. – Повернулся к Малюте: – Во гробе с боков незаметные два отверстия проделай, для тока воздуха! Пусть и в могиле дышит, мучается, о своем блудном грехе печалуется!

На окраине Александровской слободы вырыли широкую яму, куда после отпевания опустили оба гроба: первым – Колычева, сверху – Василису. Сделано это было тайно, под покровом ночи. Землю заровняли, а к утру и метель началась – все подчистила.

До утра и пир шумел в царевом дворце. Впрочем, пир скорее напоминал тризну, ибо Иоанн Васильевич сидел мрачнее тучи, ничего не ел, ни с кем из соратников не разговаривал, лишь пил и пил хмельное.

Когда за окном забрезжило, призвал Малюту Скуратова:

– Единый Господь без греха! Отрой гроб с Василисой, приведи ко мне царицу. Коли не задохнулась, в монастырь ее отправлю. Пусть свои грехи замаливает, о блудном грехе печалуется.

...Малюта вернулся сконфуженным. Лицо его было залито мертвенной бледностью, глаза дико вытаращены. Заплетающимся языком он сказал такое, что самые пьяные сразу же протрезвели, а Иоанн Васильевич Грозный со страху стал мелко креститься и на время даже лишился дара речи.

Что смутило этих бесчувственных головорезов? Об этом наш следующий рассказ.

Бегство

В ту страшную ночь, когда по велению Иоанна Васильевича Грозного, тайком от всех, на окраине Александровской слободы были закопаны два таинственных гроба, в мире бушевала непогода. Черное небо, с которого сыпался сухой колющий снег, нависло над самой землей. Стремительно мела поземка. В избах давно спали простолюдины. Лишь в государевом дворце светились окна. Там правили тризну по рабе Божьей Василисе. Но вот возле секретной могилы мелькнул, словно призрак, чей-то силуэт. Неясная фигура пошарила возле ветлы, нащупала прут – заметину, – и началась работа. Полетели комки смерзшейся земли. Наконец лопата глухо стукнула о крышку гроба...

Свет во тьме

Священник отец Никита был сыном сотника. Уже в шестнадцать лет, когда отец погиб в Ливонской войне, Никита поступил на царскую службу. Стал он опричником. Весело носился подросток на лихом жеребце, а к луке седла были привязаны символы опричнины – собачья голова и метла. Символ сей означал, что подобно псу следует вынюхивать всякую измену и беспощадно выметать ее.

Много греха принял на душу Никита. Совсем молодым участвовал в избиении новгородцев. Случилось это в январе 1570 года. Тогда по приказу Иоанна Васильевича ни в каких преступлениях не повинных горожан сотнями приводили на центральную площадь Новгорода. Здесь их пытали, жгли на малом огне, а затем, привязав окровавленные жертвы к саням, спускали с крутого откоса к быстрине, где никогда не замерзает Волхов.

Оставшись наедине, Никита падал ниц перед древними образами, намоленными еще пращурами. Страстно взывал:

– Господи, прости мои прегрешения! Не хочу крови людской, душу воротит от царевых дикостей. Просвети меня, неразумного! Что делать, коли еще в Писании сказано: «Нет власти еще не от Бога!» А ежели государь не ведает, что творит?

Но как сомнения ни терзали молодого опричника, он вновь направлялся в царский дворец и верно служил полусумасшедшему деспоту.

И все же в душе тлела искорка Божья, манившая из тьмы к свету и правде.

Кровавые потехи

Однажды во дворце начался переполох. Государь приказал Скуратову:

– Готовь сотню отборных ратников, да не медли. Сон мне нынче был: в Немецкой слободе змеи чужеземные замыслили на меня злое дело.

Удивился Скуратов:

– Неужто?

– Не рассуждай, собачий сын! И чтоб все в черном были. Сокрушу их гордыню, блудодеев еретических.

Скуратов угодливо осклабился:

– И впрямь, батюшка, много кичатся, аспиды зловредные!

– Передо мной не шибко покичишься!

– Это так, мы им нынче укорот сделаем. Можно исполнять?

– Беги! – Иоанн Васильевич сграбастал в ладонь бороденку, погладил подбородок: признак предвкушения удовольствия.

* * *

Вскоре зловещая кавалькада неслась на окраину Москвы. Одним из всадников был громадный детина, под тяжким весом которого порой проседал рослый жеребец. Это был Никита.

И вот началось нечто бессмысленное и по жестокости невообразимое. Хотя на улице был дикий холод, моросил беспрестанно мелкий дождь, всех жителей – мужчин, детей, женщин, стариков – раздели догола и выгнали на улицу.

– Девиц отделяйте! – крикнул молодой Басманов.

Замелькали плети – влево и вправо. Били по плечам, по лицам – до крови. Девиц стали вновь затаскивать в избы. Девицы брыкались, отчаянно сопротивлялись, их подгоняли пинками и кулаками. Из домов неслись страшные вопли насилуемых.

Басманов сладострастно потер ладони:

– Вот это по мне – весе-елье! А теперь, братцы, дергай девкам ногти с рук – вон клещи на телеге лежат, нарочно взяли. Пусть, крошечные, визжат!

И рвали ногти, резали языки, до смерти забивали кнутом. Кровь, стоны – и дикий хохот истязателей.

Никита медленно ехал по улице. Уста его шептали: «Господи, какие гнусности!»

Вдруг раздались бодрые голоса:

– Никита, держи к нам! Сейчас потешимся...

Он увидел приятелей-опричников. Они привязывали к двум коням невысокого худощавого юношу. Юноша от холода посинел, глаза его были полны слез.

– Панове, панове...

Ратники веселились:

– Сей миг будет тебе «панове»! Хлестанем коней – в клочья тебя порвут. Всю внутренность твою вывернет, собакам на харчи. Молоденький, мясо-то нежное. Га-га! Да стой на месте, руками не маши, бельбужд арабский!

– Кто такой? – напуская на себя важный вид, спросил Никита. Ему вдруг стало жаль этого юношу. Захотелось доброе дело сделать, и он почему-то решил обязательно освободить его.

– А хрен его знает, немец какой-то, – весело отвечали опричники. – А что?

Никита принялся вдохновенно врать:

– Да государь ищет тут одного! – И к юноше: – Тебя как зовут?

Юноша поднял глаза, полные слез и мольбы, на богато разукрашенного всадника, простонал:

– Я Викентий Буракевич из Кракова, купец! Вчера только прибыл в Московию. Святая Дева Мария свидетель: никому плохого я не делал.

Никита обрадовался:

– Вот его-то и разыскивает государь-батюшка! Отвязать, да быстро. Это чей возок? – Ткнул кулаком мужика, сидевшего на облучке: – Пока отвезешь пленного на Земляной вал, ко мне в дом...

* * *

Вечером того же дня Никита нашел в своем доме польского юношу, рассеянно перебиравшего каким-то чудом сохранившиеся у него четки.

Поляк горячо благодарил своего спасителя:

– Пан, я ваш вечный должник! В Московию ни я, ни мой отец впредь ни ногой. Это варварская страна, где развлекают царя, убивая несчастных и беззащитных людей. Но если окажетесь в Кракове, мой дом, моя челядь – все в вашем распоряжении. Я буду молить о ваших успехах Святую Деву Марию.

...Никита, словно во искупление своих грехов, сделал все необходимое, чтобы поляк добрался целым до своей родины, он снабдил его деньгами и одеждой и с попутным кортежем отправил к западным землям.

Неукротимость

Страстно каялся в своих грехах и государь. Наладив гусиное перо, Иоанн Васильевич, грустно вздыхая, писал в своем завещании: «Тело мое изнемогло, болезнует дух, струпы душевные и телесные умножились, и нет лекаря, который бы меня исцелил; ждал я, кто бы со мной поскорбел, и нет никого, утешающих я не сыскал, воздавали мне злом за добро, ненавистью за любовь. Увы мне! Молитесь о моем окаянстве».

Перо брызнуло чернилами. Государь злобно отшвырнул его. Ненадолго задумался, сведя брови. Потом вскочил, выпил вина, заходил по опочивальне.

За окнами еще царствовала темень, а он уже пластался перед домашним богатым иконостасом, метал поклоны, нещадно набивая не сходящую со лба шишку:

– Увы мне, шакалу ненасытному! Не человек, а истинно зверь изошел из чрева матери моей. Глаголю Тебе с трепетом и надеждой: усьмири меня, утишь сердце мое лютое...

Орошались слезами умиления от собственной кротости выцветшие голубые очи, сладкое умиротворение нисходило на душу. Вздыхал он руки вверх, с еще большей страстью вопиял:

– Истинно реку: сатана подтолкнул меня извести патриарха Филиппа! Сам такого никогда бы не выдумал! Или новгородцев, сказать, малость побил... Так они, собаки, заговор на меня умышляли! Прости, Господи, меня и исправь, неразумного. – Вновь шмякнулся лбом об пол, да не рассчитал вгорячах, от боли поморщился. И тяжелые мысли вновь, как черви, зашевелились в больном мозгу: «А ведь и Филипп, шиш антихриста, сам подтолкнул меня к греху, ибо посмел воли моей послушаться. Вот и эти, в Немецкой слободе, живут в моем царстве, а сами, латиняне гнусные, полны аспидовым ядом. Господи, разве убить бешеную собаку – грех? Ан нет. Вот и тут нельзя отступникам от веры православной потачки делать. Господи, дай мне новых сил на одоление еретиков и изменщиков!»

С потолка на лысину свалился жирный таракан. Лицо государя исказилось, он изловчился, поймал, растер меж пальцев:

– У, злая сила, молитву перебил!

На колокольне Успенского собора ударили к заутрене. Перекрестил лоб:

– Слава тебе, Господи, теперь уже пора в Успенский собор, там складно помолюсь. На людях и молитва доходчивей!

...И часа три-четыре томил себя Иоанн Васильевич на коленях, нещадно долбил каменный пол лбом:

– Пошли, сын Давидов, смерть всем моим врагам!

В притворе храма встретив однажды верного опричника Никиту, вдруг поманил пальцем:

– Ты, Никита, зело начитан, премудрости многие превзошел! Решил я: будешь священником и моим духовником. Разумеешь? А то наши гордоусы церковные многие противности чинят.

Молча поклонился Никита. Подумал: «Может, и впрямь так лучше? Не буду в царевых забавах кровавых участвовать, читать буду жития святых, Псалтырь да Евангелие. Эх, сладость душевная!»

Запомнил, видать, Никита, что счастье с несчастьем в одних санях ездят, да жизнь скоро напомнила ему об этом.

...Иоанн Васильевич уже прошел в храм.

Сразу же началась служба.

Государев духовник

Если читатель думает, что судьба бывшего опричника, а теперь священника отца Никиты круто переменилась, то ошибается. Как и прежде, Никите приходилось по воле Иоанна Васильевича участвовать в его попойках и развлечениях.

Но теперь все же появилось больше покоя, чаще можно было находить уединение. Отец Никита всегда имел тягу к келейной жизни, к чтению и размышлениям. Государь позволил ему пользоваться своей обширной библиотекой. Часами сидел Никита склоненным над древними рукописями и хронографами, и все сильнее происходили перемены, невидимые глазом, – духовные. Обладая от природы характером добрым, теперь Никита стал еще больше помогать бедным, заступался за невинно осужденных.

Государь на своего духовника не сердился, лишь посмеивался.

– Юродствуешь, отче! – Но тут же вполне серьезно добавлял: – И то – дело священника творить добро и врачевать раны душевные. – Мечтательно заводил очи: – Вот брошу все, пропадите без меня, заточусь в монастырь...

Никита исповедовал государя, отпускал грехи и даже венчал. Но в душе все более осуждал жестокосердие царя, а паче того – подручных, разжигавших цареву злобу и кровожадность. И вот пришел час, когда Никита решил сотворить дело опасное и доброе...

Отец Никита, как и положено, сопровождал гробы до могилы. Он уже успел прознать, что в одном из них лежит живая еще царица. Гробы предали земле.

Вместе с государем и его присными Никита во дворце правил тризну. Улучив момент, незаметно удалился из дворца. Вооружившись лопатой, он умудрился в кромешной тьме отыскать место возле ограды, где была зарыта царица Василиса. Помог ему прут, который Никита загодя воткнул между комьев земли в изголовье гроба.

С трудом отворачивая комья мерзлой земли, Никита принялся раскапывать могилу. Мороз и метель все более усиливались. Вскоре пот заливал священника, дыхание участилось, гортань жгло так, словно туда металла плавленного залили. Пересохшие уста шептали:

– Господи, помоги! Неужто обмишулился? Неужто не здесь? Да нет, вот и ветла торчит, еще прежде ее приметил...

Вдруг лопата глухо стукнула по крышке гроба.

Еще скорее Никита стал отшвыривать землю. Перекрестился:

– Кажется, можно отбросить крюки, поднять крышку!

Похищение

У священника бешено заколотилось сердце, когда из открытого гроба донесся легкий вздох:

– Ах!

Никита упал на колени, страстно зашептал:

– Государыня, жива ли?

В ответ – свист ветра и сухая снежная крошка в глаза.

Никита рванул из голенища нож, нащупал путы, разрезал их. Подхватив на руки царицу вместе с волчьими шкурами, в которые она была завернута, двинулся вдоль ограды к кладбищу.

Ноги увязали в сугробах, ветер норовил опрокинуть Никиту, но тот упрямо, стиснув зубы, шел и шел к цели. Его глаза, кажется, начали различать предметы в этом холодном и призрачном свете: невысокое темное здание часовни среди занесенных снегом могил, чей-то старинный разрушающийся склеп. А вот и маленький домик отца Федора – кладбищенского священника и сторожа одновременно.

Жалобно тявкнула сонная собачка. Никита долбанул сапогом дверь, еще и еще раз. Послышался стук босых пяток по деревянному полу, дверь отлипла. В лицо Никите пахло вареной капустой, разопрелой кашей, жженой свечой – запах жилья.

Воскрешение

– Отец Федор, это я, Никита! Засвети малость, только дверь припри, а занавески задвинь. В печи тлели угли. Отец Федор в честь знатного гостя зажег толстую сальную свечу. Перед Никитой стоял в ночной рубахе невысокого роста сухонький старичок, с непокрытой лысой головой, с седой рыжеватой бородкой, добрыми, усталыми глазками. Весь его облик светился умильной кротостью, младенческим и вместе с тем мудрым простодушием.

Отец Федор всплеснул ручками:

– Ой, кого притащил, Никитушка? Никак, обмерзлая баба? На дороге поднял, что ль? Живая разве? Клади возле печи, на лавку. Сбегаю разбужу соседку, бабу Аксиныю! Пусть разоблачит мерзлую да разотрет...

– Никого звать не следует! – Никита заглянул в глазки отца Федора. – Сами разоблачим – хитрость не шибко великая! Иди, бачка, помоги...

Догола раздев Василису, Никита стал растирать ее тело лампадным маслом. Вскоре на мертвенно-бледных щеках появился легкий румянец, женщина вдруг вздохнула, и бескровные уста прошептали:

– Пить...

Отец Федор засуетился. Трясущимися руками схватил берестяной туюсок:

– Вот, Никитушка, водичка брусничная...

– Испей, матушка! – Никита сильной рукой приподнял царицу.

Та сделала несколько глотков и вновь погрузилась в сонное состояние.

Никита накинуд на голое тело Василисы волчью шкуру мехом вниз.

– От шкуры сей все недуги проходят! – Вопросительно посмотрел на Федора: – Бачка, ведаешь ли, кого тебе в дом принес? Это сама царица! Государь ее живьем закопал, а я из землицы изъял.

– Без спросу?! – округлил глазки тот.

– Какой же спрос, коли государь матушку-царицу на муки в гроб спрятал. Государь в Москву уедет, я ее в надежное место отправлю.

Затрясся отец Федор от страха.

– А коли кто ко мне зайдет? – сказал он овечьим голосом. – Старостиха аль псаломщик на дню сколько раз забегают...

Никита сокрушенно покачал головой, воззрился в прозрачные очи старика:

– Бачка, почто кручинишься? Господь грядет грешников мучить, праведников же спасти. Государь, Бог судья ему, за свои злодеяния ввержен будет в геенну огненную. А мы, недостойные, должны поступать так, как святые отцы учили.

– Никитушка, ты на меня, старого, не сердитуй! Государь, коли прознает, нас с тобой в котел кипящий живьем опустит.

– И пусть! Зато обретем Царство Небесное. Помнишь, бачка, как апостол Павел наставлял? «Переносите страдания свои с терпением и покорностью воле Божьей, ибо Господь наш если попускает терпеть нам скорби, то едино пользы душевной ради».

Отец Федор вздыхал, дергал задумчиво себя за бороду, переводя взгляд то на Никиту, то на лежащую царицу. Никита душевно произнес:

– А как святой Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, нас, дураков, учил? Сей премудрый муж рек: «Хоть бы случилась ночь, но, если бы странник попросил приюта, убежища от темной ночи и непогоды, не должно ему отказывать, боясь показаться жестоким и бесчеловечным на суде самого Иисуса Христа». Как раз про нас с тобой сии слова...

Отец Федор еще раз вздохнул, на этот раз более решительно сказал:

– Зрю, что дело и впрямь угодно Богу! Спрячу...

Никита облапил его своими медвежьими ручищами и проворчал:

– Вот и правильно! А то – в котел! Сейчас облачи государыню, а мне уж пора в храм на службу. – Поднял вверх палец, прислушался: – Слышишь, бачка, по ветру звук несет – редкими ударами бьют в один колокол. Это благовестят к службе. Ну, побежал я! А ты, бачка, как тут управишься, тоже в храм приходи. Могилу надо еще затемно закидать землей. – Улыбнулся: – А метель все снежком прикроет, как мать дите пуховым одеяльцем.

Ошибся, увы, Никита! Не скрыл он следов своего преступления.

Розыск

Иоанн Васильевич был соткан из страстей – необузданных. Лютость его, как и щедрость, не знала пределов. И любил он со всей пылкостью натуры, с дикими муками ревности. Василиса глубоко пронзила его старческое сердце. Вот-вот должен заняться поздний зимний расцвет, а поминки по заживо погребенной царице продолжались.

Государь лютым взором пронзал пьянствующих сотрапезников. Морщил кожу на лбу, размышлял: «Это дьявол попрыскал ей в очи, разум замутил. А может, и греха-то не случилось? Ведь сама мне рекла, признавалась, что в любви-де я проворный, что люб сердцу ее. Жива ли еще? А коли в домовине муки страшные по сей миг испытывает? Ах, как жизнь моя ужасна...»

Вдруг рявкнул:

– Малюта! Басманов! Откройте Василису. Коли жива, доставьте сюда. Пусть посидит на собственных поминках. – Хрипло рассмеялся: – Еще потешусь с ней, покойницей, а уж потом – в монастырь ее, блудню окаянную.

Прихватив двух стражников, копавших могилу, соратники государя поспешили к могиле.

Вскоре они приплелись обратно во дворец – на ватных ногах, словно побитые собаки. Басманов и Малюта повалились в ноги государю:

– В гробу Василисы нет. Вознеслась, должно быть...

– Куда вознеслась? – Государь вытаращил глаза, словно мерзким сфинктером, пожевал губами.

– На небеси! Домовина пустая...

– Ах, псы поганые! – Иоанн Васильевич стал ногами пинать сподвижников. Заорал: – Кто ведал о секретной могиле? Стражники? Сюда изменников!

Через несколько минут, заливая ковры трапезной кровью, в предсмертных муках корчились оба стражника:

– Не виноваты мы, государь-милостивец.

Сумрачно нахмурившись, Иоанн Васильевич расхаживал по трапезной. Тихим зловещим голосом произнес:

– Кто еще про могилу знал? Никто? Стало быть, виноват один из вас – или ты, Скуратов, или ты, Басманов! Обоих жизни лишу, скорпиев ядовитых, – не ошибусь! – И государь воздел любимое орудие убийства – посох. Его серебряный наконечник уже был обагрен кровью.

Басманов увернулся, подполз, обнял сафьяновые государевы сапожки:

– Вспомнил, еще отец Никита отпевал... и на могилке служил...

Самодержец опустил посох, задумался: «А что, Никита мог! Читает много, на меня, гордоус, зрит без страха!» Рявкнул:

– Никиту ко мне! И обыщите слободу, погоню на дорогах устройте.

Басманов добавил:

– У Федора, кладбищенского попа, обыскать следует! Они ведь дружки завятые. А Никита сейчас на службе в Троицком соборе.

– Скуратов – к отцу Федору, все перерой у него! А ты, Басманов, доставь сюда Никиту. Да смотри, чтоб не сбежал, шкуру с тебя спущу!

– У меня небось не убежит, – хвастливо бросил Басманов.

Он выскочил во двор. Метель ударила ему в лицо.

Клад

До Троицкого собора – рукой подать. Басманов прибежал туда как раз тогда, когда служба закончилась и последние прихожане спускались с паперти. Возле левого придела Никита о чем-то шептался с тщедушным отцом Федором.

– Вот вы мне, отцы святые, и нужны, – насмешливо сказал Басманов. – Тебя, Никита, приказал государь к нему доставить. А ты, Федор, надобен другу моему Малюте Скуратову. Он как раз к тебе домой собирается, жилы из тебя, фарисея лукавого, вытянет.

Обмер отец Федор, смертельно побледнел. Никита ободрил, подмигнул:

– Беги домой, встречай гостя важного, на питье отважного!

Басманов хмыкнул:

– Кто у нас обедает, тот и наши проделки ведает!

Никита быстро наклонился к уху отца Федора, что-то отрывисто сказал. Басманов злобно прикрикнул:

– Эй, по углам не жмитесь, царю во всем повинитесь! Давай, Никита, облачайся в тулуп да пошли во дворец.

– Скажи государю, что сей миг приду!

Басманов ощерился:

– Уж нет, во дворец купно пойдем! А то ищи тебя потом, как ветра в поле.

Тем временем отец Федор стремглав понесся домой. Прохожие удивленно открывали рот:

– Ба, царские рысаки отца Федора не достанут. Куда он, на пожар?

Никита, тем временем набрасывая тулуп поверх парчовой ризы, изображал на лице радость:

– У меня, друже, нынешнее утро удачливое. Такой случай... боюсь говорить, вдруг проболтаешься кому.

– Чего вякаешь – случай? Об чем это?

– Побожись, что никому не обмолвишься!

– Крест, что ль, целовать? Сказал: никому не проболтаюсь. Ну?

– Мой сарайчик знаешь, где коня ставлю? Достался по наследству от покойного отца Гермогена. Завел сегодня конька, – а он у меня умный, что дьяк думный! – ржет и копытом в землю бьет. Наклонился я, сенцо разгреб – словно блесит что-то. Лопатой копнул, а там – серебряный укропник. Достал его, крышечку открыл – полно золотых монет – толстые, тяжелые, по-гречки написано на них. Во как!

– Куда, отец Никита, чужой клад дел? Поделиться следует со мной.

– Так и быть, пяток монет дам, только вот вернемся от государя...

– После государя тебе ни золото, ни серебро уже не понадобится, – захохотал Басманов. – Одна только панихида потребуется... Царицы, во гроб положенной, нет! Двух стражников, что землю копали, государь посохом, яко копьем, прободил – до смерти. Теперь тебя допрашивать будет.

Никита напустил на себя вид изумленный:

– Кому же мертвый труп надобен, хоть и царицын?

– Ты не ведал, что живая она была положена – для острастки? Уже по всем дорогам рыщут, по всей Александровке. Малюта направился неспроста к твоему дружку – отцу Федору.

Никита возмутился:

– Страсть какая – живьем в гроб! Истинно в Писании сказано: «Яко и тварь рыдает, своего владыки видя бесчинства!»

Басманов оглянулся:

– Не умствуй! Многим разговорчивым ребра сокрушили и кнутом до костей облиховали. Государь ведает, что творит. Ну, святой отец, показывай клад, тобой обретенный, а то я тебя!..

Перекрестился Никита на образа, сказал непонятное:

– Прости, Господи, мое прегрешение! Обаче, и на Страшном суде готов за него ответ держать...

Быстрый ход

Через левый выход, что в храмовом зале возле алтаря, вышли во двор. Метель, кажется, неистовствовала еще больше. Сразу залепила глаза, туго била в грудь. В двух шагах ничего не было видно. Басманов крепко уцепился за рукав Никиты:

– Так-то спокойней будет, не сбежишь!

Пересекли двор. В дальнем глухом углу подошли к сарайчику, сбитому из крепких бревен. Снаружи стояли небольшие саночки, накрытые рогожей.

– Моя конюшня, – пояснил Никита.

Верный мухортый, почуяв хозяина, радостно заржал. Никита длинным, в два фунта весом ключом отомкнул замок, приоткрыл воротца:

– Проходи, боярин, клад там...

Через минуту-другую послышался глухой удар и крик, приглушенный свистом ветра. Чуть позже, ласково поглаживая холку, Никита вывел в воротца сильного, хорошо откормленного коня. Запряг, прыгнул в саночки:

– Но, милый! Во дворец еду к государю, яко агнец кроткий. В печь огненную!

Наклонив голову, часто перебирая ногами, конь набрал ходу.

Уловки

Едва Никита вошел в трапезный зал, как государь злобно рявкнул:

– Признавайся, это ты, червь книжный, Василису из могилы поднял?

Простодушное лицо Никиты приняло вид еще более наивный.

– Я?! Нужна мне она, как жезл Ааронов скифу дикому. Так ведь известно, кто из земли ее изъял...

– Кто?!

– Да молодой Басманов! Сейчас пришел в храм, блазнит меня: давай-де сбежим, и Василиса со мной – живая! А еще, государь, он нечестивые глаголы плюскал... Повторить аж отвратно.

– Говори! – грохнул посохом об пол Иоанн Васильевич.

– Вякает: посажу-де Василису на престол и сам царем править стану!

Затрясся государь, аж позеленел от злобы, и на устах пена вышла.

– Ах, аспид хищный! Подать Басманова сюда, я ему возгрю кровавую вышибу! Ух, рожа говенная!

Стража побежала отыскивать Басманова.

Тут как раз появился Скуратов, прогундосил:

– Уж, кажись, все перерыли у отца Федора! Окромя собачонки ободранной да тараканов запечных, ничего животного нет. Прикажешь, батюшка, перепластать его?

Сморщил нос государь:

– Забавиться еще успеешь! Теперь беги ищи молодого Басманова!

Стражники обыскали весь дворец, все переулки-закоулки. С трепетом доложили:

– Как в воду канул!

Государь остановил бешеный взор на Никите.

– Беги, поп, ищи татя зловредного! Не найдешь – с тебя с живого шкуру спущу!

Под прикрытием благодетельной метели Никита отправился к отцу Федору. Тот дрожал, словно лист осиновый.

– Неужто пронесло, Никитушка? Я сделал все по твоему указу: горемычную царицу-матушку в склеп спровадил да под плиту старинную, прямо, прости, Господи, на шкелет истлевший и положил. А уж как плитой задвинул каменной, един Бог ведает про то! Кила теперь небось вывалится. Скуратов, кровопийца, везде, яко пес смердящий, нюхал. Когда он в склеп заглянул, я уж думал, что со страху помру. Да смилоствовался сын Давидов! Ничего, пронесло, не нашли государыню нашу.

Облапил Никита отца Федора, ничего не сказал, только на глазу слеза блеснула.

Эпилог

Никита, еще в мирской жизни отличавшийся силой и ловкостью, в сараюшке оглоушил Басманова. Пока он связывал его вожжами, тот пришел в себя, стал голос подавать. Никита воткнул ему в рот кляп и сокрушенно вздохнул:

– Много от тебя, Басманов, выблядок позорный, другие терпели, потерпи и ты нынче. Исполненный всяких пакостей, лей слезы и умоляй прощения Царя Небесного. Помазан ты, Басманов, блудною тиною и воней злосмрадною повит. Кайся, ибо Господь кающихся прощает и припадающих к нему приемлет. А я тебя и соломкой обложу, и рогожкой накрою, чтоб не простудился... Господь захочет – спасет!

Басманова нашли на третий день. Иоанн Васильевич понял, что Никита провел его, явился пуще прежнего. И вновь по всем дорогам рыскали утекших, да те уже далеко ушли.

Их путь, как и знаменитого воеводы-беглеца Андрея Курбского, лежал на запад. Но если Курбский обосновался в Литве, то наши добрались до Кракова – в то время столицы Польши.

Когда Никита с Василисой шли мимо Мариацкого костела, Никиту по имени окликнул молодой человек. Это был Викентий Буракевич. Принял он беглецов как самых дорогих гостей.

Именно в его богатом доме – поблизости от королевского замка Вавеля – случилась нежданная встреча. Ее исходом стала хитроумная и страшная месть Василисы своему царственному супругу Иоанну Васильевичу.

Об этом вы узнаете из следующего рассказа.

Местъ

Жизнь Иоанна Васильевича Грозного сделалась ужасной. К заговорам, которые мережились повсюду, к ночным кошмарным видениям, к мучительным головным болям прибавилось нечто такое, что сравняло страдания государя с теми, кто в печи адовой лижут сковороды раскаленные...

Страсть

В Краков Василиса и Никита добрались лишь к весне. Как удалось избежать погони царской, как не разорвали их голодные волчьи стаи, как не ограбили и не убили разбойники, которыми кишели леса и проезжие дороги, един Господь ведает.

Польская столица встретила беглецов тающими сугробами, слепящим блеском свежего солнца, изумрудными слезинками, срывающимися с кровель островерхих крыш, шумной бес-толочью разноцветной толпы, слонявшейся по древним узким улочкам.

Измученные тяжелой дорогой, беглецы наслаждались покоем в доме Викентия Буракевича. Наследник громадного торгового дела, выпускник Ягеллонского университета, Викентий блестяще владел русским и немецким языками, был знаменит своими астрологическими познаниями.

Впервые увидав Василису, Викентий был не в силах сдержать восторг:

– Какая очаровательная пани!

И естественно, сразу же влюбился. Нежно целуя ей руку, добавлял:

– Не зря ныне мне покровительствует планета Венера, управляющая красотой, счастьем и сулящая наслаждение любовное, – и поворачивал лицо к Никите: – Вы, дражайший пан, однажды спасли мою жизнь! Но теперь хотите отнять ее. Да, да, отнять! Ибо познакомили с вашей сестрой, от страсти к которой я уже умираю.

Заметим, что московские гости по понятным причинам решили скрывать, что Василиса – супруга Иоанна Васильевича, живьем закопанная в землю и спасенная Никитой. Именно он придумал назвать ее своей сестрой.

Сердечный жар

Любовная страсть все сильнее жгла сердце Викентия. Улучив момент, когда они остались одни, Викентий бросился на колени, схватил руки Василисы, осыпал поцелуями и воскликнул:

– О, прекрасная пани! По каким-то причинам вам пришлось бежать из Московии. Но пусть мой дом станет и вашей вотчиной, и вашей новой родиной. Я люблю вас и жажду стать вашим мужем!

Василиса рассмеялась русалочьим щекочущим смехом. Ее лицо стало еще прелестней. Она ласково молвила:

– Дорогой Викентий! Признаюсь, вы тоже мне любы. – Она поправила золотое запястье. – Надо мной довлеет страшная тайна. Если вы клянетесь хранить ее, то я вам расскажу немало любопытного.

– Клянусь!

Василиса рассказала все о себе. Викентий был потрясен:

– Сколь превратна судьба: вчера, пани, вы царица, ныне – изгнанница! Но я отомщу за вас!

– Каким образом, Викентий, вы можете отомстить могущественному сатрапу?

Мужественное лицо молодого человека стало вдохновенным.

– Под видом странствующего астролога я приду в Москву, изыщу способ предстать пред царскими очами и предреку ему скорую смерть.

– Какая же это месть?

– Представьте, Василиса, что должен испытать тот, кто приговорен ждать своей кончины? Эти муки ни с чем не сравнимы. Вы когда родились? Семнадцатого марта? Вот этот срок я ему и назначу.

– Но если он не поверит?

– Сделаю так, что поверит. Да поможет мне Матерь Божья наказать царя-убийцу!

– А коли он казнит вас? Ведь лжепророков и лжепредсказателей на костре жгут...

– Ради вас, моя царица, я готов на самые горчайшие муки! Лишь бы вы полюбили меня...

Но русский государь суеверен, он выслушает меня, отпустит восвояси, а сам останется наедине со страшным предсказанием!

* * *

Не прошло и нескольких недель, как Викентий, прихватив для компании двух товарищей своих по университету, таких же любителей приключений, как и он сам, отправился в далекую Московию.

Не ведал отважный юноша, сколь неожиданно для него повернутся события.

Звездочеты

Под вечер жаркого августовского полдня, отойдя от послеобеденного сна, Иоанн Васильевич развлекался игрой в шахматы. Его напарником был боярин Борис Годунов, игрок искусный.

В тронном зале, мягко ступая козловыми, красного цвета сапожками, появился Петр Басманов, приятель Годунова.

– Что ходишь, голову опустив? – полюбопытствовал государь, переставляя фигуру.

– Да как не печалиться, когда сейчас волхвы предсказание мне сделали удивительное.

– Ну, чего тебе волхвы, Божьи люди, сказали?

– Да то, что, когда я помру, меня будут попирать царские стопы.

Государь растянул губы в ядовитой улыбке:

– От моих стоп кончину, поди, примешь?

Басманов замялся странно как-то, не ответил.

Государь нахмурил брови:

– Чего молчишь?

Вздыхнув, Басманов молвил:

– Увы мне! Эти волхвы, блядины дети, вякают, что я тебя-де переживу. Другой уже государь на престол взойдет.

Ощерился Иоанн Васильевич:

– А ты, змеиное отродье, поди, обрадовался?

– Нет, свет-батюшка, я опечалился и в ухо главному волхву дал. И еще их всех под караул взял.

Государь сгреб в ладонь бородавку, пожевал ее и с ехидством спросил:

– А что еще сказали?

– Сказали, что когда сын Давидов призовет тебя в небесные селения, то земля содрогнется от плача, а слава твоя просияет на веки веков.

Иоанн Васильевич удовлетворенно хмыкнул:

– Хм, ты, Басманов, обаче, скорпия натуральная! Разве можно волхва, человека Божьего, в ухо бить? Что же тебе будет за преступление против заповеди отеческой? Ох, – государь изобразил крайнее огорчение, перекрестился, – будет тебе огонь да мука. Ты, умоокраденный, лицемерием объят и ложью покрыт, самолюбием одеян. Пусть волхвов пред мои очи поставят!

Лукавство

Подталкивая секирами, рынды ввели в тронный зал трех молодых людей приличной наружности. Те смиренно пали ниц.

Государь с любопытством воззрелся на них:

– Кто вы, откуда?

Заговорил младший. Было ему лет двадцать шесть. Несмотря на то что от дальнего путешествия он похудел и почернел, что его одежда изрядно пропылилась, у него был вид значительный, вызывавший невольное уважение. Говорил юноша по-русски довольно чисто, выражался красиво:

– Не взыщите с нас, государь! Люди мы дальние, дорожные. Обходим все земли, любопытство утоляем свое: кто, где и как живет?

– И как у нас, понравилось? – Государь прищурил глаз.

– Просторы твоего, государь, царства необозримы! Народ после Матери Божьей более всего почитает тебя, свет неизреченный, хвалит твое боголюбие, доброту бесконечную, а того более – твою строгость и прилежание к порядку. Люди твои, государь, трудолюбивы, леса кишат полезным для охоты зверьем, а реки – рыбой...

Иоанн Васильевич победоносно посмотрел на разинувших рот бояр и молвил:

– Да, царство мое богатое! Всего хватает. Нынче, сказать для примера, в Москве-реке, возле самого Кремля, выловили осетра двухпудового. Милости просим за наш стол! А сейчас вас, странники, проводят в покои. Отдохните, и продолжим наши беседы...

Государь не то что любил, но испытывал едва ли не мистический ужас, смешанный с восторгом, перед людьми не от мира сего – юродивыми, факирами, звездочетами, волхвами, прорицателями. «Все помрем, да только вот когда? – размышлял он. – Об том и надо спросить волхвов».

Сводный брат Македонского

Иоанн Васильевич, уставившись мутным взором усталых, с красными прожилками глаз, с любопытством вопрошал звездочета:

– Ну, говори, из каких земель пришли?

Викентий, попивая вино, врал от души:

– Родился я без малого две тысячи лет назад. Мать моя – знаменитая куртизанка Лейла, а отец – сам великий царь Филипп Второй, отец Александра Македонского. Со сводным братом я дружил, вместе на войну ходили: гнали персов в Гавгамелах, топтали горячими конями землю царя Ахменида. Моим учителем был Клавдий Птолемей, я помогал ему излагать звездную систему мироздания в его знаменитом труде «Альмагест».

Бояре с удивлением таращили глаза, а Иоанн Васильевич важно качал головой:

– В моей библиотеке есть список сей астрономической энциклопедии! А когда, Божий человек, ты прозревать кончину людей научился?

– Сие, государь, случилось на горе Голгофе, что близ Иерусалима, когда распинали Христа промеж двух разбойников. Меня вдруг словно озарило, вот с той давней поры и предсказываю... И все языки мира вмиг постиг!

Иоанн Васильевич недоверчиво скривил рот:

– Не врешь ли? Сейчас тебя испытаю. Эй, кто там, приведите сюда Бомелиуса!

Низко кланяясь, появился лекарь. Государь сказал:

– Поговори-ка со звездочетом на языке своем!

Немец о чем-то спросил. Викентий улыбнулся, бойко ответил – на немецком же. Бомелиус перевел:

– Господин говорит, что не только немецкий, но даже птичий язык ведает. Произношение у него такое, словно век провел в Пруссии. Пришел сюда с двумя своими учениками по той причине, что слава о тебе, великий государь, летит по всем землям.

Иоанн Васильевич аж приосанился, на его лице появилась довольная улыбка. Он обратился к Викентию:

– И что говорят обо мне в чужих землях?

– То, что ты, государь, приумножил свое царство во сто крат. Завоевал татарскую Казань, богатую Астрахань и земли многие по течению Волги, Камы, Вятки, по побережью Каспийского моря и многие, многие другие. Крепкой рукой ты держишь власть: караешь изменников, награждаешь щедро верных слуг. Ты тот, на кого изливается благодать Божья.

Государь взял со своей тарелки изрядный кусок осетрины.

– Вот, человек Божий, насыщай свое чрево! – и протянул Викентию. – Вино пей до дна. Про славу мою ты хорошо рек. Но по дьяволовым козням не было мне удачи в женах. Можешь ли ты ведать, какова судьба и где ныне Василиса Мелентьева?

Викентий не спеша, степенно пережевывал осетрину, утер полотенцем уста и лишь после этого сказал:

– Для этого трудного гадания следует употребить таблицы арабской магической каббалистики. После обеда я выполню, государь, твою просьбу.

...Иоанн Васильевич все оставшееся время нетерпеливо дергал ногой, но, вопреки своему нраву, Викентия не погонял.

Предсказание

Обильное, до отрыжки, до коликов в животе, с бесконечным припаданием к кубкам с вином, пиршество завершилось. Перекрестившись, гости, тяжело дыша, медленно приходили в себя. Одни, испуская утробные звуки, широко зевали, другие откровенно спали, уткнувшись лбами в стол.

– Пошли все вон! – вдруг гаркнул государь. – Надоели, обжоры треклятые. Остаться лишь волхвам да ближним.

Трапезная вмиг расчистилась.

Государь уставился мутным взглядом на Викентия:

– Начинай, Божий человек!

Тот извлек из мешка, который был при нем, пять больших таблиц, исписанных цифрами. Шестая – ключ к каббале, где под латинским алфавитом стояли соответствующие цифры. Свинцовым карандашом стал что-то записывать на полоске папируса. Через малое время произнес:

– Василиса Мелентьева напрасно пострадала от какого-то могущественного человека. Архангел Михаил по приказу сына Давидова забрал ее из гроба и отнес на седьмое небо. – С печалью взглянул на царя: – Так что, государь, сия особа на земле более не обретается.

Грозный, пытаясь осмыслить ответ и свою вину перед сыном Давидовым, а также перед архангелом Михаилом, тяжело вздохнул и спросил главное:

– Ты, Божий человек, нынче говорил рабу моему Басманову, что мне-де жить осталось недолго? Так ли это?

Викентий скорбно опустил голову:

– Да, великий государь. И признаюсь тебе, что именно сия причина и позвала меня в дорогу. Прежде чем ты отойдешь ко всем святым, я возжаждал насладиться зрелищем – захотел зреть тебя, мудрого и непобедимого.

Иоанн Васильевич побледнел, пожевал губами, как он это всегда делал во время сильного волнения.

– Не безумие ли речет в тебе? Али это ухищрение бесовское? Ась?

– Нет, великий государь, это говорят звезды! Следующий год – тысяча пятьсот восемьдесят четвертый от Рождества Христова, год планеты Меркурия. Еще незабвенный учитель мой, мудростью которого я всегда восхищаюсь, Клавдий Птолемей, определил Меркурия как планету мудрости, военного порядка, суровости. Но ежели против сей планеты обозначится кровавая звезда Тодес и своим лучом укажет на город, где благоденствует могущественный царь, то сей царь спустя двести двадцать два дня отдаст душу Богу.

– И что же?

– А то, что за тобой смерть, государь, явится в Кириллин день – семнадцатого марта следующего года.

Иоанн Васильевич скорбно поник. Притихли и окружающие.

Годунов покачал головой:

– Враки, поди!

– Государь наш проживет еще долго, – поддержал его Басманов, – дольше всех нас, недостойных.

Викентий развел руками:

– Сие не от себя реку, эти предсказания зиждутся на твердой основе – называется наука астрология.

Ловушка

Иоанн Васильевич ничего не возразил. Последнее время что-то случилось с ним. Все чаще, и не только во сне, но и наяву он видел лица тех, кого не пожалел, лишил жизни: и стрелянного Никиту Мелентьева, и царицу Марию Долгорукую, и ее брата Петра, и сокольничего Ивана Колычева, и многих, многих других. Все они являлись в самом страшном виде: окровавленные, изувеченные, с выбитыми зубами и пустыми глазницами.

Он пытался глушить эти видения пьянством, но старый, ослабленный дурной жизнью организм уже не принимал алкоголь. Головная боль сделалась постоянной. Мертвые лица теснились перед ним, выкрикивали: «Нас убил, убей и себя!»

Государь на коленях полз к образам, бросал до тысячи поклонов и час и два плакал над собою. И уже ничего не тешило, уже жизнь и впрямь опротивела.

Но теперь, когда волхв предсказал скорую смерть, желание жизни вновь проснулось, и смерть, тление сделались нестерпимо ужасными. Государь хотел отпустить волхва, но Годунов сказал:

– Если ты, Божий человек, не врешь, то тебе опасаться нечего. Но коли понапрасну смущаешь государя-света, то мы тебя сожжем на костре. Посему оставайся во дворце, дожидайся предреченного тобою срока.

Басманов одобрил приятеля:

– Верно, дожидайся! А то еще чернь проведает, так в государстве неурядица случиться могут. Нечего народ блазнить!

* * *

Викентия и его приятелей поселили в клетки. Кормили и обращались хорошо, но уходить запретили под страхом смерти.

Дни потянулись мучительно длинные, ибо нет для человека наказания страшнее, чем несвобода.

Яд

Государь с той поры сделался зело печален. Тело его вдруг начало пухнуть и издавать зловоние. Оставшись в опочивальне, он долбил лбом пол:

– Господи, почто аз не пренебрег красотой мира, по что не отошел в монастырь! А теперь ожидает... геенна огненная?

И ему становилось столь отвратно, что все чаще являлась мысль выпить яду или захлестнуть на своей тонкой морщинистой шее петлю. И тут государя охватывала с новой силой дрожь, и он начинал читать молитвы. И тогда государь вспоминал себя маленьким, родных, ловлю рыбы в Неглинке, любимую собаку Гавку, езду по Москве в маленькой тележке в окружении стражи с бердышами, радостные крики простолюдинов. И если раньше он гордился своим исключительным положением, то теперь искренне и страстно завидовал простым людям, которым не было нужды кого-либо убивать, которые всегда были свободны, ходили с кем хотели и где хотели.

И однажды Иоанн Васильевич решился: он налил в бокал вина, насыпал белого ядовитого порошка, перекрестился и быстро выпил. Начались страшные рези в желудке. На крики государя сбежались люди, и Бомелиус его откачал.

Государь покорился, словно невольник в темнице, дожидаящийся смертного часа.

Еще не вечер...

Вот наступило утро 17 марта 1584 года. За зубчатыми стенами Кремля, за легкими волнами Москвы-реки вставало радостное свежее солнце.

Здоровье государя, почти все время ухудшавшееся, вдруг в последние дни пошло на поправку. Тело стало отекает меньше. Страшные видения почти полностью прекратились.

Государь с удивлением, даже с некоторой веселостью вспоминал те страхи, которые пережил за последние месяцы с того дня, как ему была предсказана смерть.

Басманов с сатанинской улыбкой потирал ладони:

– Ну, звездочет, где он? Сейчас будем на Красной площади жечь шакала поганого!

Явился Викентий. Царедворцы и сбившаяся в кучку челядь с любопытством уставились на волхва. Басманов заглянул в лицо Викентия, елеинным голосом протянул:

– Ну, латынянин гнусный! Зенки свои расторопъ. Государь-свет, хвала Богу, силен, как никогда. Зришь ли сие, идолослужитель треклятый?

Весело улыбаясь, Иоанн Васильевич тоже спросил:

– Ну, звезды наврали? Назначенный день – сегодня, а я живой!

Викентий негромко, обыденным голосом произнес:

– Государь, но сейчас лишь утро! Кириллин день еще не миновал...

Иоанн Васильевич словно поперхнулся: хотел еще чего-то сказать, да промолчал.

Он вновь ходил хмурым. От обеда отказался.

Вечером сел с Годуновым в шахматы играть. Пили вино.

Проиграл две партии. Никогда прежде Годунов у государя не рисковал выигрывать. Государь хотел сказать об этом, как вдруг дико вскрикнул, вытаращил глаза и замертво рухнул на ковер. Из рта у него обильно кровавая пена пошла.

– Лекаря скорее! – крикнул Годунов.

Прибежал Бомелиус, пощупал пульс:

– Тело уже рассталось с духом...

Все перекрестились. Басманов особой печали не выказал:

– Бог дал, Бог взял!

Зато простой народ скорбел по-настоящему. Тысячи людей стекались в Москву. Горестные вопли неслись в небо. Годунов с печальным удивлением качал головой:

– А если бы покойник истребил народу в два раза больше, так стенаний о нем тоже было бы больше? Сказывают, о кровавом Калигуле и безумном Нероне простолюдины скорбели как о родных сыновьях. Удивительно, да и только – сколь сильно чернь любит ярмо да кнут.

Эпилог

По Москве гулял слух: «Иоанн Васильевич отравлен приближенными!» Среди вероятных убийц называли и Бориса Годунова, и вошедшего с ним в сговор чужеземного звездочета. Ведь у Викентия и впрямь не было выбора: или самому сгореть на костре, или подсыпать государю в вино яд. Ничто так не толкает на убийство, как страх перед будущей жертвой. А под этим страхом постоянно жили все приближенные государя.

Впрочем, история – дело темное. Ведь многие остались в убеждении, что Василиса, будучи закопанной живьем, так и приняла мученическую смерть.

И что стало с нашими героями? Викентий Буракевич был отпущен на свободу, добрался до Кракова. Василиса уже знала о смерти своего бывшего мужа – Иоанна Васильевича. План ее – заставить страдать и изнывать от страха государя – блестяще осуществился, но она радости от этого не чувствовала. Викентий стал ее мужем, она родила ему пятерых детей. В искренней молитве уста ее жарко шептали:

– Спасибо, Господи, за мое нынешнее счастье! Семью свою не променяю за все короны царские...

Священник отец Никита, поднявший царицу из могилы, ушел обратно в Россию и уединился в одном из северных монастырей, замаливая свои и чужие грехи.

Что касается Бориса Годунова, то всем известно о его вступлении на российский престол. Случилось это спустя четырнадцать лет после смерти Иоанна Васильевича.

Оправдалось предсказание относительно Петра Басманова. Он отчаянно защищал Гришку Отрепьева, сказавшегося царем Дмитрием, сыном Иоанна Васильевича. Они оба были зарублены. По свидетельству очевидца тех событий Самуила Маскевича, труп Лжедмитрия бояре-заговорщики оттащили на базар и бросили на торговый стол. А на другом, «несколько пониже, расположили тело Басманова, так что ноги первого, свесившись, касались груди второго».

Как видим, предсказания даже лжепророков порой сбываются.

Шел 1606 год.

На Руси царила смута.

Изверг

Из исторической хроники: «Искусный звездочет и богослов Симеон Полоцкий ночью на 11 августа 1671 года, заметив близ Марса звезду пресветлую, предсказал царю Алексею Михайловичу и супруге его царице Наталье Кирилловне, что чрез девять месяцев родится у них сын, которому наречется имя Петр, и не будет ему равного среди монархов. Де всех он превзойдет славою и делами, соседей враждующих смирит, страны дальние посетит, мятежи внутренние и нестроения обуздает, многие здания на море и на суше воздвигнет, истребит злых, возлюбит трудолюбивых, насадит благочестие. То же записал, по словам предания, и Дмитрий, впоследствии святой митрополит Ростовский, наблюдавший в Москве течение небесных светил в одно время с Симеоном Полоцким».

Согласно пророчествам, 30 мая 1672 года, в день преподобного Исаакия Далматского, в первом часу пополуночи, к восторгу московской черни, молодая царица обрадовала государя своим первенцем...

Но этому сладостному событию предшествовали события неожиданные и даже страшные.

Бесприданница

В утреннем блеске свежо благоухали сады боярина Кирилла Нарышкина. Солнце встало за дальними дубами, озаряя ясную призрачность нежно-перламутрового небосвода.

И хотя час был ранний, жизнь уже шла своим ходом. Пастух гнал на пастбище мычащее и блеющее стадо. На хозяйственном дворе возле амбаров переругивались мужики. Ловко орудуя «окаянной» рукой, жилистый рыжеватый Пармен монотонно долбил молотом по наковальне. Сильным голосом он выговаривал тщедушному мужичонке: «Каурого я тебе ковал на прошлой неделе, а ты, такой-сякой, опять приперся!»

Застоявшиеся за ночь лошади нетерпеливо ржали в конюшне, просясь на волю. Возле колодца судачили бабы. С гнусавыми напевами подошли нищие. Хозяйская дочь, круглолицая красавица Наталья, вынесла им каравай горячего хлеба и свежих с грядки огурцов.

Тяжело опираясь на перила, с крыльца властным взором наблюдал за утренней жизнью своей вотчины Кирилл Полуэктович Нарышкин. Мысли, словно жернова, медленно вращались в его крупной голове. Думал он о том, что жизнь с каждым годом становится все плоше: неурожай следует за неурожаем, крестьяне мрут или пускаются в бега. Наталья и лицом, и статью взяла, да замуж ее за кого отдать? Женихи богатых невест ищут, а он, Нарышкин, и рода худого, и в бедности прозябает. А девка Наталья добрая, не нравная. Когда беда пришла к Никите Кривому, так последние медяки в доме собрала, отдала ему в малое хоть утешение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.